

На правах рукописи

Голикова Татьяна Александровна

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Москва 2005

**Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания
Московского гуманитарно-экономического института**

Научный консультант: доктор филологических наук,
профессор *В.А. Пищальникова*

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор *Н.В. Уфимцева*

доктор филологических наук,
профессор *Е.Ю. Мягкова*

доктор филологических наук,
профессор *Л.М. Босова*

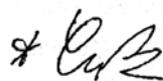
Ведущая организация: Омский государственный университет

Защита состоится 27 октября 2005 г. в 12 ч. на заседании диссертационного совета Д 002. 006. 03 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте языкознания РАН по адресу: 125009, Москва, Б. Кисловский пер. 1/12.

**С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
ИЯ РАН.**

Автореферат разослан 01 сентября 2005 года.

**Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук**

А.В. Сидельцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования обусловлена необходимостью формирования теоретической базы исследования этнического сознания, уточнения понятия *этническая картина мира*, широко и, к сожалению, неоднозначно используемого в современной науке. Остается неоднозначным содержание этнопсихолингвистических категорий *национальное (этническое) сознание, национальное (этническое) самосознание, этнорегиональный менталитет, этнорегиональный стереотип*. Кроме того, требует освоения огромный разнохарактерный эмпирический материал, накопленный в процессе различных этносоциологических, этнопсихологических, а также психолингвистических исследований.

Цель диссертации – *представить теоретические основы психолингвистической концепции исследования этнического языкового сознания.*

Задачи исследования:

1. рассмотреть ведущие теоретические концепции в области этнопсихолингвистики и использование ими базовых категорий *национальное (этническое) сознание, национальное (этническое) самосознание, этнорегиональный менталитет, этнорегиональный стереотип*;

2. на экспериментальном материале выявить специфику этностереотипов (алтайцев и русских); смоделировать содержание и структуру этностереотипов (алтайцев и русских), акцентируя универсальные и этноспецифичные компоненты;

3. теоретически обосновать необходимые и достаточные структурные компоненты этнической картины мира с целью определения сопоставительной базы этнопсихолингвистических исследований;

4. выявить содержание этноспецифичных стереотипов (в алтайском и русском языковом сознании);

5. разработать методику анализа этноспецифичных стереотипов (на примере алтайского и русского языкового сознания).

Предмет исследования – способы вербальной репрезентации этнического сознания.

Объект исследования – система вербальных ассоциативных

реакций (ассоциативные поля) как репрезентация специфики языкового сознания этноса.

Теоретическим основанием описания является:

- положение о том, что процесс ассоциирования представляет собой интуитивно определяемый самими носителями языка процесс актуализации типичных стереотипных характеристик, ценностей, приоритетов;
- положение о том, что ассоциативные нормы выявляются по итогам проведения массового свободного ассоциативного эксперимента;
- *ассоциативным полем* слова является совокупность *ассоциатов* на слово-стимул; ассоциативное поле имеет *ядро* (наиболее частотные реакции) и *периферию* (единичные реакции). Различают *индивидуальное* ассоциативное поле и *коллективное*. Коллективное ассоциативное поле, выявленное в свободном ассоциативном эксперименте, обычно называют *ассоциативной нормой*;
- ассоциативный эксперимент в современной психолингвистике служит средством изучения ассоциативного значения слова; измерения семантической близости между словами и степени вхождения этих слов в единое семантическое поле; исследования ассоциативной памяти и организации внутренней лексики человека; исследования ассоциативного процесса в связи с процессами порождения и восприятия речи; изучения влияния различных факторов на ассоциативное поведение испытуемых (профессиональные характеристики, возраст, пол); изучения особенностей протекания ассоциативного процесса в условиях билингвизма и полилингвизма;
- ассоциативные методики используются в пато- и психодиагностике при выявлении патологических психических состояний, функциональной асимметрии мозга, аффективных состояний;
- ассоциативный эксперимент становится базой для возникновения таких исследовательских направлений, как ассоциативная лексикография, ассоциативная грамматика и исследования ассоциативно-вербальной сети; исследование образов языкового сознания в рамках теории межкультурного общения.

Методика исследования – поэтапное концептуальное моделирование содержания и структуры этноспецифичного концепта, предполагающее следующие процедуры анализа:

- компонентный анализ соответствующего двуязычного лексико-

- графического материала с целью выявления актуальных семантических признаков лексем;
- концептуальный анализ двуязычных оригинальных текстовых материалов с целью выявления концептуальных признаков соответствующих лексем;
 - анализ двуязычного экспериментального ассоциативного материала с целью выявления актуального содержания этнорегиональных концептов, этнических образов сознания и специфики их репрезентации в разных языках;
 - анализ соответствующих культурологических концептов с целью выявления специфики их функционирования в двух культурах;
 - сопоставительный анализ ряда этноспецифичных концептов.

Гипотезой диссертационного исследования служит предположение о том, что ассоциативный эксперимент является инструментом обнаружения степени близости этносов, а также средством обнаружения тенденций к ассимиляции этноса. Эта степень близости может не осознаваться носителями той или иной этнической культуры, однако очевидно выявляется в анализе содержания ряда этнически значимых концептов, смоделированных на базе результатов свободного ассоциативного эксперимента.

Материалом исследования послужили данные ассоциативного эксперимента, отраженные в изданном автором «Алтайско-русском ассоциативном словаре» (М., 2004. 380 с.), данные различных этносоциологических опросов, в том числе и авторских, лексикографические данные, а также оригинальные художественные тексты ведущих алтайских поэтов и писателей, фольклорные тексты (список исследованных алтайских текстов представлен после библиографического списка).

Положения, выносимые на защиту:

1. На защиту выносятся *интегративная методика анализа этноспецифичных концептов языкового сознания этноса.*
2. *Ядро этнорегионального менталитета* составляет психофизиологически, географически, исторически и социально обусловленная система стереотипов речевого коллектива данного региона.
3. *Этнос* – исторически сложившаяся лингво-ментальная общность, реализующая специфические механизмы смысло- и речепорождения.

4. Сосуществование этносов образует единое *концептуальное пространство*, в котором функционируют как исконные концептуальные структуры, так и заимствованные.
5. *Ассоциативный эксперимент* служит надежным инструментом обнаружения степени близости этносов, а также средством обнаружения тенденций к ассимиляции этноса.
6. *Ассоциативный эксперимент* обнаруживает закономерности сосуществования концептуальных структур этнорегионального менталитета.

Новизна исследования состоит в том, что ассоциативный эксперимент рассматривается как инструмент (а не только материал) установления специфики этнопсихологических, этносоциологических, этнолингвистических процессов в определенном регионе, в том числе характера этнической напряженности, уровня конфликтности, степени ассимиляции.

Впервые к исследованию специфики этнического сознания привлечен алтайский материал, данные массового алтайско-русского ассоциативного эксперимента, а также оригинальные художественные тексты. Этническая картина мира рассматривается в психолингвистическом аспекте, что позволяет ее трактовать как *систему ядерных этнических стереотипов*.

Теоретическая значимость исследования определяется формированием теоретической базы исследования этнического сознания, уточнением содержания этнопсихолингвистических категорий *этническая картина мира, национальное (этническое) сознание, национальное (этническое) самосознание, этнорегиональный менталитет, этнорегиональный стереотип*, широко используемых в современной науке.

Кроме того, в работе обосновывается понятие *этноспецифичный стереотип* и разрабатывается интегративная методика его моделирования с помощью ассоциативно-смыслового и концептуального анализа материала. При этом ассоциативный корпус реакций рассматривается не только как материал исследования, но и как инструмент обнаружения разного рода этнических процессов, а также верификации устаревших лексикографических данных.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения разработанной методики анализа этноспецифичных

стереотипов в этносоциальных исследованиях межэтнической напряженности, а также прогнозировании ассимиляционных процессов. Предложенная оригинальная методика анализа ассоциативного словаря позволяет получать сопоставимые результаты. Их самостоятельное применение может быть использовано при построении фрагментов сознания этносов в процессе этнопсихолингвистического моделирования.

Анализ различных этнопсихологических, этносоциологических, психолингвистических данных на основе такой методики может выявить общие закономерности этнических процессов в обществе и стать основой для диагностирования этнополитической ситуации в ряде регионов страны.

Данные ассоциативного словаря могут широко использоваться в лексикографической практике для уточнения толкования значений слов, а также в области межкультурной коммуникации.

Апробация работы. По теме исследования опубликованы: ассоциативный словарь (39,8 п.л.), монография (20,6 п.л.), глава в коллективной монографии (3,4 п.л.), статьи, материалы различных конференций (26,6 п.л.). Основные положения и результаты работы обсуждались на:

- заседании Ученого совета Института филологии СО РАН, заседании сектора Русского языка в Сибири ИФ СО РАН;
- заседании кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета;
- заседании кафедры общего и русского языкознания Московского гуманитарно-экономического института;
- международной научной конференции «Культура и текст», Барнаул, 1997;
- международной научно-практической конференции «Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты», Бийск, 1998;
- краевой научно-практической конференции «Актуальные проблемы филологии», Барнаул, 1998;
- межвузовской научно-практической конференции «Текст: варианты интерпретации», Бийск, 1999;

- всероссийской научно-практической конференции «Концептуальная картина мира и интерпретативное поле текста с позиций лингвистики, журналистики и коммуникативистики», Барнаул, 2000;
- межвузовской научной конференции «Развитие средств массовой коммуникации и проблемы культуры», М., 2001;
- межвузовской научной конференции «Филология в системе современного университетского образования», М., 2001;
- первых чтений памяти О.Н. Селиверстовой «Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения», М., 2004.
- ежегодной межвузовской научной конференции «Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты», Барнаул-Москва, 2000, 2002, 2004, 2005.

Структура диссертационной работы определяется спецификой поставленных задач, характером объекта и предмета изучения языкового сознания алтайцев и русских в этнопсихолингвистическом аспекте. Диссертация состоит из введения, четырех глав, состоящих из ряда параграфов, заключения, библиографического списка, списка текстовых источников, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются объект и предмет исследования, определяется его цель, задачи и методы.

В первой главе «Речевая деятельность этноса как объект изучения этнопсихолингвистики» обсуждается проблема национально-культурной специфики речевой деятельности в современной лингвистике.

Выявление национально-культурной специфики речевой деятельности остается актуальным направлением исследования. Предложены разные модели описания такой специфики в различных аспектах: культурологическом, психологическом, этнологическом, информационном. Нам представляется продуктивным исследование на-

ционально-культурной специфики в *этнопсихолингвистическом аспекте*, что позволяет не только интегрировать уже разработанные модели описания этнолингвистических различий культур, но и интерпретировать *специфику межэтнического взаимодействия*.

Мы рассматриваем этнопсихолингвистическую категорию *этническое сознание* как необходимую в целях выявления специфики различных этносов, специфики межэтнических отношений, прогнозированием различных этнических процессов. *Этническое сознание* рассматривается в контексте этноспецифичных понятий *этнокультурная специфика речевой деятельности, этническая картина мира, этнический менталитет, этнический стереотип*.

В связи с тем, что современная гуманитарная наука все чаще оперирует категорией *картина мира этноса* как феноменом, доступным реконструкции и научному описанию (*образ мира, модель мира, языковое сознание, образы сознания*), **во втором параграфе главы «Теоретические основания моделирования этнической картины мира в современной науке»** рассматриваются ее основные аспекты, сущность, свойства, специфика функционирования.

Философия, признавая отражательную основу картины мира, вводит ее в контекст отражения, сознания, мышления. Логика рассматривает проблему картины мира в связи с проблемой фиксации в ней определенной информации. Нейрофизиологические и психологические исследования позволяют объяснить механизмы, сопровождающие когнитивную деятельность человека. Лингвистика устанавливает связь картины мира и языка, изучает способы фиксации мыслительного содержания средствами конвенционального языка. Многие исследования односторонне трактуют понятие *картины мира*, вне его связей, отношений и функций, между тем именно интеграция всех подходов раскрывает сущность данной категории.

В рамках лингвистического подхода к изучению соотношения *концептуальной картины мира* и *языковой картины мира* обосновывается следующее: 1) под концептуальной картиной мира понимается совокупность знаний человека о мире; 2) языковая картина мира входит в состав концептуальной; 3) выделяются структуры, связанные с языком прямо и опосредованно.

Языковая картина мира возникает наряду с *логической картиной мира* в процессе освоения индивидом действительности. Счита-

ется, что логическая картина мира не отличается у носителей разных языков, поскольку способы образования понятий и формы хранения знаний одинаковы, *национальная же специфика* проявляется на периферийных участках языковой картины мира. Данное утверждение служит базой для возникновения в современной культурологической, этнографической, этнопсихологической науке категории *этническая картина мира*, которая становится предметом обсуждения **в третьем параграфе главы «Этническая картина мира и стереотип: сущность и функционирование».**

По современным представлениям, универсальная человеческая картина мира дана в своих этнических вариантах. Этническая картина мира является особым структурированным представлением о мироздании, характерным для членов того или иного этноса, которое, с одной стороны, имеет адаптивную функцию, а с другой, – воплощает в себе ценностные доминанты, присущие культуре конкретного народа.

Этническая картина мира не тождественна культуре или этнической традиции. Она меняется с течением времени, более того, различным группам внутри этноса в один и тот же период могут быть присущи разные картины мира. Этническая картина мира представляет собой каждый раз своеобразный ракурс этнической традиции. Но, безусловно, существуют неизменные коммуникативные и поведенческие модели, стереотипы, которые являются обязательным атрибутом любого этноса и составляют менталитет народа. В таком понимании *этническая картина мира* сближается с понятием *этнический менталитет*, под которым мы понимаем *психофизиологически, географически, исторически и социально обусловленную систему стереотипов речевого коллектива данного региона.*

В связи с глобализационными тенденциями в современных культурах, миграционными процессами возникает такая реальность, когда стираются границы этнических, национальных признаков. Поэтому мы определяем *этнос* как *исторически сложившуюся лингвоментальную общность, реализующую изоморфные механизмы смысло- и речепорождения.* Это позволяет не только вписать сложнейший феномен *современная человеческая общность* в контекст *этноисследований*, но и выявить путем вскрытия *механизмов смысло- и речепорождения* этнокультурную специфику речевой деятельности каждой

общности людей (в том числе и социальной, профессиональной и т.п.).

Онтологически интегративным признаком человеческих общностей остается только *регион*. Для нашего исследования актуально рассмотрение региона в *этнопсихолингвистическом аспекте*, что подразумевает следующее: регион не совпадает с этническим, национальным, социальным делением мира, а интегрирует ментальные, когнитивные, эмоциональные и иные особенности людей, проживающих на определенной территории, причем такая интеграция осуществляется не вследствие национальной и даже социальной общности индивидов (хотя детерминированность этими факторами не исключается), а вследствие *актуализации схем смысло- и речепорождения*.

Вторая глава «Этнопсихолингвистическая детерминированность языкового сознания» посвящена исследованию сущности категорий *этническое* и *национальное*, *национальное* и *этническое сознание*, *национальное* и *этническое самосознание*. Проанализированы ведущие концепции этнологии, этнопсихологии, социологии. *Этничность (этническая идентичность)* рассматривается как механизм этнического самосознания.

В исследовании сущности *племени, народности, этноса, нации* и их соотношении выявляется несколько тенденций. Этносоциология признает любую исторически сложившуюся человеческую общность (племя, народ, этнос, нацию) этносоциальной. Возникающие при этом симбиозе особые образования во многих случаях обладают относительной самостоятельностью, обеспечивающей наиболее благоприятные условия для устойчивости этноса и его воспроизводства. Такого рода образования наряду с этнической (прежде всего культурной) обычно обладают и территориальной, экономической, социальной, политической общностью. Необходимость проведения этносоциологических исследований в наше время не вызывает сомнений, однако их абсолютизирование ограничивает содержание объекта.

Этнос как феномен – сложная и неоднозначная историческая реальность, в значительной степени определяющая жизнь социума, другое дело, что этнос нельзя описать в рамках системно-структурного и системно-функционального подходов, как показала неудачная попытка их применения в реальных социально-

исторических условиях. Осложняет также проблему стихийность и неструктурированность этноса. Кажущаяся легкость отнесения индивида к тому или иному этносу благодаря самосознанию, не является таковой в действительности, поскольку речь идет о поверхностном, традиционном уровне идентификации, и в каждом конкретном случае возникает неопределенность относительно структуры и содержания самосознания.

Едва ли ни самым спорным вопросом в этнологических науках является вопрос о сущности *национального (этнического) сознания*. В связи с безусловной сложностью данного феномена, его идеальностью, представленностью лишь в опредмеченных формах, а также в связи с тем, что *нация* является научным конструктом, а не био-исторической реальностью, возникают отдельные мнения о национальном сознании как о этническом (в узком значении) и как о этнонациональном (в широком значении), вбирающем в себя различные элементы духовной жизни общества. Разумеется, ни первое, ни второе не говорит о сущности и структуре национального сознания.

На этом основании нет, видимо, необходимости говорить о национальном сознании как особом виде сознания, присущем той или иной нации. Описывая психические особенности индивида, мы оперируем понятием *индивидуальное сознание* или *концептуальная система (концептуальная картина мира и под.)*, описывая же особенности психического склада той или иной общности (части общности), мы говорим о *менталитете (ментальности)* как системе стереотипов, специфичных для каждой общности.

То же существенно и при обсуждении вопроса об *этническом сознании*. В отечественной традиции понятие *этническое сознание* рассматривалось преимущественно в контексте идеологии. В настоящее время выделяются социально-философский, социологический, исторический, этнографический, социально-психологический аспекты в изучении сущности и структуры этнического сознания.

Этничность в современной науке рассматривается, во-первых, как совокупность объективных атрибутов и характеристик, во-вторых, как набор специфических ощущений и переживаний, в-третьих, как комплекс поведенческих стереотипов. Наиболее адекватна концепция этничности как особой характеристики субъективности, состоящей в ощущении, переживании индивидом собственной принадлежности к

определенной этнической группе, восприятию себя представителем конкретного народа. *Этничность* (=этническая идентичность, идентификация), являясь наиболее стабильным, константным элементом человеческой субъективности, базируется на осознании общности происхождения, традиций, ценностей, верований, ощущении исторической и межпоколенной преемственности. В таком понимании этничность становится синонимом этнического самосознания.

В исследованиях *национального и этнического самосознания* обнаруживается изоморфизм структуры сознания, конкретные же содержательные компоненты сознания или картины мира варьируются в зависимости от исторических, географических, социальных и др. факторов.

Единственным репрезентантом этнического сознания выступает культура. Однако широкое понимание *этнической культуры* как культуры, где человек выступает носителем этничности независимо от территориальной принадлежности, выводит нас на понятие *панкультуры* или *общечеловеческой культуры*, интегрирующей в себе инвариантные свойства и характеристики объектов.

Ввиду того, что из всех компонентов культуры наиболее выраженными этническими функциями выступает язык, изучение особенностей языковой репрезентации этнических компонентов картины мира того и иного этноса выявляет не только ее ментальные, когнитивные, эмоциональные доминанты, но и указывает те связи и отношения, которые обеспечивают сосуществование этносов в едином регионе.

В связи с этим представляется целесообразным соотнести понятие *национального (этнического) сознания* и понятие *национального (этнического) компонента сознания (или концептуальной системы – в традиции современной психологии, логики, лингвистики, психолингвистики)*.

Третья глава диссертации «**Менталитет как система стереотипов речевого коллектива**» посвящена рассмотрению основных теоретических концепций исследования сущности менталитета.

Анализ основных подходов к рассмотрению категорий *менталитет* и *ментальность* показал, что исследователи указывают на их диалектическую взаимосвязь. В тоже время, в силу недостаточной философско-методологической разработанности проблемы, предложенные учеными подходы к дифференциации этих понятий не позволяют в

полной мере установить специфику их содержания. В связи с этим предлагается использовать категорию *менталитет* на разных уровнях социальной интеграции (индивидуальный менталитет, менталитет социальной группы (слоя), менталитет социума, этнический/национальный менталитет и т.п.), подобно тому, как это происходит, например, с понятием *сознание* (индивидуальное, коллективное, национальное). *Менталитет* – это особый культурно-исторический феномен, отражающий индивидуально (социально)-психологическую специфику и духовное состояние субъекта (личность, социальная группа, этнос и т.д.) общественного бытия. При этом проявление менталитета осуществляется через различные трансляционные механизмы в структурно-семиотических текстах культуры. Сама трансляция менталитета социально-исторического субъекта может происходить как на сознательном, так и на бессознательном уровне (коллективное бессознательное), поэтому изучение различных его проявлений в культуре позволяет проследить некоторые черты подсознания, лежащие в их основе. В рамках структурно-семиотического психоанализа *менталитет*, как и другие социокультурные явления, рассматриваются на двух взаимодействующих уровнях: на структурно-аналитическом и знаково-символическом. В первом случае исследуются отдельные структурные составляющие менталитета. В пределах второго уровня дается семантическая и психоаналитическая интерпретация зафиксированного явления. При этом рассматриваются отдельные явления духовной культуры (религия, мифология, искусство), а также выявляется проявление архетипов коллективного бессознательного, что позволяет проследить скрытые особенности духовно-психологического развития социального субъекта в разные исторические периоды.

Изучение менталитета конкретного социального субъекта основывается на комплексном междисциплинарном подходе к широкому кругу социокультурных источников. Важное место среди таких источников, особенно применительно к древним и средневековым обществам, отводится религиозно-мифологической системе и в целом мировоззрению. Именно эти элементы составляли основу картины мира личности, социальной группы, общества и этнокультурного образования.

В исследовании сущности менталитета выявляется несколько направлений: менталитет – это иррациональное подсознание человека; менталитет – это вера; менталитет – совокупность явлений духовной

жизни человека, духовный мир; менталитет – это мировидение; менталитет – логическое мышление и т.д.

Как видим, под менталитетом в европейской традиции понимаются явления и свойства различной природы. Интегративным компонентом всех концепций менталитета является признание его сущности в психофизиологической и интеллектуальной природе человеческой индивидуальности, обусловленной культурой, образом жизни, способом существования социальных систем и под.

Менталитет мы определяем как *систему стереотипов речевого коллектива, обусловленную географически, биологически, исторически и социально*. Механизм же функционирования менталитета как феномена, подчиненного психофизиологическим процессам адаптации, заключается в стереотипизации как психической деятельности коллектива, окружающего мира, так и способов репрезентации, благодаря чему вырабатываются устойчивые когнитивные структуры.

Во втором параграфе главы «Этнорегиональный менталитет как психофизиологически, географически, исторически и социально обусловленная система стереотипов речевого коллектива данного региона» обосновывается региональный аспект нашего исследования в связи с тем, что экспериментальное исследование проводилось в регионе Горного Алтая.

Не имея относительно обособленных структур воспроизводства социально-вещественной структуры, алтайские этносы в настоящее время живут среди компактно проживающих групп региональных субэтносов и региональных этнических групп. Такие группы образуют регионы, которые не способны к обособленному самовоспроизводству, поскольку некоторые из его элементов отсутствуют. Отсутствует, например, соответствующий набор собственных специалистов, для того чтобы воспроизводить все необходимые структуры. Традиционные этносы и этнические группы образуют отдельные этнические регионы, но не отдельные социальные организмы, поскольку являются лишь органической частью общетерриториальной российской культуры. Главным является то, что они не могут воспроизводить условия своего социального бытия вне взаимодействия с другими регионами и сферами культуры в целом, являясь лишь органами внутри социальной системы. Вместе с тем регионально-этнические группы алтайцев связаны с большой долей русского населения, и, имея куль-

турные и политические моменты исторического доминирования, сохраняют воспроизводство своего этнического самосознания, характерных этнических особенностей. Этническая общность как социальный организм приобретает статус субэтнической группы, формирующейся в специфических условиях региональной природно-географической среды.

Следующий параграф представляет этнорегиональный стереотип как компонент этнорегионального менталитета.

Процесс стереотипизации как познавательная операция предполагает установление причинно-следственных связей между воспринимаемыми объектами и их характеристиками. Возникновение и функционирование этнических стереотипов во многом связано с определенным типом причинной интерпретации поведения представителей различных этнических групп.

Содержание этнических стереотипов определяется тремя группами факторов: 1) спецификой стереотипизируемой группы (т.е. особенностями этнической группы, закрепленными в культуре и обыденном сознании ценностями, выработанными в ходе общественно-исторического развития и т.п.); 2) социально-политическими и экономическими условиями развития этнических групп и особенностями взаимоотношений между ними, сложившимися на данный момент; 3) длительностью и глубиной исторических контактов с другими этносами.

Этнический автостереотип русских, реконструированный нами по значительному числу этносоциологических и этнопсихологических исследований, представляется следующим: *беспечность, гостеприимство, доброжелательность, доброта, душевность, лень, общительность, отзывчивость, открытость, простота, пьянство, терпимость, трудолюбие, честность.*

С целью выявления *степени выраженности этничности алтайцев и русских*, а также с целью моделирования этнорегионального стереотипа «я» алтайцев и русских проводился опрос по методике, разработанной М. Куном и Т. Макпартлэндом в середине 50-ых гг. и апробированной социальными психологами и социологами. Этничность – идентификационная категория и на индивидуально-личностном уровне выступает в качестве особой формы «Я»-концепции. Степень выраженности этнического «я» зависит от того,

как человек определяет самого себя, а в структуре личностной определенности, и прежде всего в матрице социальной идентификации, этнический статус занимает, хоть и существенное, но непостоянное место (эффект ситуативной этничности).

Алтайцам и русским было предложено ответить на вопрос «Кто я?». Испытуемым на выполнение теста давалось 12 минут. Количество ответов на этот вопрос варьировалось от 12 до 20 (при этом среднее количество составило 16 ответов для алтайцев и 14 – для русских). В нашем тесте (2001 г.) участвовало 65 студентов алтайского отделения и 67 студентов русского отделения филологического факультета Горно-Алтайского госуниверситета. Было получено 1079 реакций алтайских студентов и 953 реакции русских студентов (все реакции, полученные в процессе тестирования, представлены в Приложении 1. диссертации).

Анализ полученных данных показал, что в фиксации личностных характеристик выделяются следующие стратегии:

- фиксация эмоционально-оценочных характеристик (39,9% реакций алтайцами и 59,9% реакций русскими);
- фиксация семейно-родственных характеристик (21,2% реакций алтайцами и 14% реакций русскими);
- фиксация профессиональных характеристик (18% реакций алтайцами и 11,4% реакций русскими);
- фиксация половозрастных характеристик (10,9% реакций алтайцами и 10,8% реакций русскими);
- фиксация этносоциорегиональных характеристик (8,9% реакций алтайцами и 2,7% реакций русскими);
- фиксация имен собственных (1% реакций алтайцами и 1,4% реакций русскими).

Результаты тестирования показали, что *русские* в оценке своего «я» ориентированы на эмоционально-оценочную стратегию, которая значительно превышает численность соответствующих алтайских реакций. *Русские* студенты, таким образом, отвечают скорее на вопрос «Какой я?». Студенты-алтайцы ориентированы более на семейно-родственные отношения, количество их реакций превышает на 7% русские реакции. Это соответствует данным, полученным в ходе ассоциативного эксперимента. В качестве слов-стимулов применительно к смысловому полю «человек» алтайцами (не только студентами,

но и школьниками, а также лицами со средним специальным и высшим образованием – всего более полутора тысяч человек) были названы *брат, дочь, отец, папа, ребенок, сын*, в то время как русскими были названы *колеги, личность, любимый человек*.

Профессиональные характеристики также присущи в большей степени алтайским студентам. Для алтайцев в целом очень важно профессиональное определение в обществе, кроме того, занятие алтайцем значительных социальных позиций сопровождается высоким авторитетом со стороны своей диалектной группы, своего сеока.

Этносоциорегиональные характеристики, как показывают этносоциологические исследования, актуальны для этносов, по численности уступающих другому этносу. В связи с этим и алтайские студенты по сравнению с русскими чаще себя называют по признакам этнической и территориальной принадлежности.

Таким образом, моделируя ассоциативно-смысловое поле «человек» по данным анализа автостереотипов русских и алтайских студентов, выявляем, что модель этнорегионального стереотипа «я» составляют следующие компоненты (в порядке убывания значимости):

- *студент/студентка, человек, алтаец/алтайка, сын/дочь, друг/подруга, личность* (для студента алтайца);
- *студент/студентка, умный/умная, добрый/добрая, друг/подруга, сын/дочь, личность, человек* (для русского студента).

В целях моделирования *авто- и гетеростереотипов алтайцев и русских* предлагалось назвать качества, присущие большинству русских и алтайцев. Эксперимент проводился в 2001 г. среди русских (605 человек) и алтайских (480 человек) студентов различных факультетов Горно-Алтайского государственного университета.

Среди наиболее частотных качеств, присущих **алтайцам**, выделяются *скромность, гостеприимство, гордость, стеснительность, доброта, доверчивость, честность* (по представлениям алтайцев); *вспыльчивость, наглость, гостеприимство, национализм, соблюдение своих обычаев, уважение к традициям своего народа* (по представлениям русских). Для **русских** характерны такие качества, как *пьянство, доброта, щедрость, лень, отсутствие культуры, доверчивость, широта души* (по представлениям русских); *наглость, высокомерие, национализм, болтливость, неуважение, общительность* (по представлениям алтайцев).

Анализ авто- и гетеростереотипов алтайцев и русских показывает, что алтайцы оценивают себя положительно чаще, чем русских и чем русские – алтайцев. Это соответствует данным психологии малых народов, когда резко повышается самооценка последних в условиях угрозы ассимиляции.

Среди автостереотипов **алтайцев** выделяется только три характеристики ассоциативной группы **агрессивность** (*наглость 2, нападающие – 1,9%*). Доминирует же противоположная оценка **доброта, скромность** (*скромность 19, стеснительность 14, добрые 13, доверчивость 13, доброжелательность 7, хорошие 7, пассивность 5, стыдливость 2, терпеливость 2 – 39%*).

Число **этнических** характеристик в автостереотипах **алтайцев** минимально: *сохранение традиций, уважение и почитание предков, могущественный народ* (всего 3 реакции – 1,4%); все они имеют положительную модальность.

Русские в представлении **алтайцев** скорее **агрессивны** (*наглость 31, неуважение 8, нахальство 6, нескромность 4, грубость 3, агрессивность 2, бессовестность, зазнайство, заносчивость, невежливость, непорядочность, нестеснительность, нетерпимость, привычка перебивать других, придирчивость – 23,7%*), чем **доброжелательны** и **скромны** (*доброта 9, вежливость 8, уважение 4, дружелюбие 3, терпимость 3, отзывчивость 2, доброжелательность, стремление помочь другим – 11,5%*).

Этнические характеристики как положительные (*уважение традиций 2 – 0,7%*), так и отрицательны (*национализм 17, неуважение к старикам 2, неуважение традиций 2 – 7,8%*).

Среди автостереотипов **русских** выделяется незначительное число характеристик, связанных с **агрессивностью** (*драчливость 3, наглость 2, мародерство, нахальство, несдержанность, хулиганство – 3,1%*). Характеристики, связанные с **добротой** и **скромностью** русских (*доброта 27, добродушие 6, доброжелательность 4, вежливость 2, радушие 2, воспитанность, душевность, искренность, любезность, приветливость, сердечность, уважение, человечность*) составляют 16,8%.

Этнические характеристики представлены положительной реакцией *патриотизм 3 (1%)* и отрицательной – *национализм 2 (0,7%)*.

Алтайцы в представлении **русских** **агрессивны** (*вспыльчивость*

19, наглость 19, агрессивность 10, злость 8, злопамятность 4, грубость 3, невежливость 3, амбициозность, беспардонность, воинственность, задиристость, злоба, недружелюбие, несдержанность, нетерпимость, придирчивость – 24%).

Частотная же в представлении **алтайцев** автохарактеристика **доброжелательности** и **скромности** (39%) в оценках **русских** представлена 10,5% (скромность 8, доброта 4, доверчивость 4, готовность помочь 3, терпимость 3, вежливость 2, внимательность 2, доброжелательность, дружелюбие, отзывчивость, преданность, стыдливость, терпеливость).

Этнические характеристики представлены следующими реакциями: положительные (соблюдение своих обычаев 11, уважение к традициям своего народа 11, уважение к старикам 8, знание своих обычаев 3, уважение и почитание предков 3, сохранение традиций – 11,8%), отрицательные (национализм 15, алтайская речь [в присутствии русских] 11, неуважение к русской нации 3 – 9,3%).

Таким образом, степень **агрессивности** **русские** и **алтайцы** оценивают одинаково: выделяют собственную неагрессивность (2-3%) и подчеркивают агрессивность соседнего этноса (24%). Степень **доброжелательности** соседнего этноса также оценивается одинаково (10-11%), вместе с тем степень собственной доброжелательности алтайцы оценивают в 2,5 раза выше, чем русские.

Этнические характеристики различаются одним параметром: этническая положительная оценка присуща алтайцам (11,8%) и практически не присуща русским (0,7%). Остальные различия не существенны. Данный факт вытекает из общей тенденции оценивать себя более положительно представителями малочисленного этноса (86,7% алтайцами по данным нашего эксперимента). Кроме того, как показывает анализ автохарактеристик отдельных представителей алтайского и русского этносов, социально-этнический параметр чаще важен для алтайцев (8,9%), чем для русских (2,7%).

В четвертой главе «Содержание этноспецифичных стереотипов алтайского и русского языкового сознания: сопоставительный аспект» анализируются экспериментальные данные.

К анализу привлекаются лингвокультурологические исследования *констант* [Степанов], *концептов*, *ключевых понятий* [Вежбицкая], *ценностей* русской культуры. Лингвистические, когнитивные,

логические, психолингвистические исследования оперируют понятиями *концептуальная картина мира, этническая картина мира, модель мира* [Цивьян], *модель мира в народной культуре* [Никитина], *языковая модель мира* [Шмелев], *языковое сознание, ядро языкового сознания* [Уфимцева].

В современной отечественной психолингвистике активно разрабатывается проблематика, связанная с межкультурным общением, этнокультурным своеобразием, спецификой языковых сознаний различных этносов. Материалом для выявления специфики языкового сознания представителей разных этносов и культур все чаще становятся данные различных ассоциативных экспериментов.

Сопоставительный анализ речевых единиц дает основания для выявления специфики языкового сознания конкретного этноса в определенное историческое время. Осуществляются сопоставительные исследования языкового сознания представителей различных лингвокультурных сообществ – казахов [Дмитрюк Н.В.; Дмитрюк С.В.; Кистаубаева; Калжанова], алтайцев [Драчева], хакасов [Боргоякова Т.Г.; Боргоякова А.П.], бурятов [Осинский; Дашиева], якутов [Пинигина], ненцев [Христофорова], татар [Бедретдинова], балкарцев и карачаевцев [Башиева, Геляева], адыгов [Ханаху; Псеунова], англичан, американцев [Балясникова; Попкова; Беляева-Станден; Багдасарова; Узленко; Кузьменко; Незговорова], немцев [Фесенко Т.А.; Газизов; Красавский; Фесенко С.Л.], эстонцев [Кленская], вьетнамцев [Нгуен Тхи Хыонг; Нго Тиен Занг], китайцев [Трофимова, Ван Эрдон; Ван Бин Дун], японцев [Митамура Маки; Недосугова; Резникова] и др.

Выявляется специфика ядра языкового сознания разных этносов, моделируются этнокогнитивные структуры различных национально специфичных концептов, исследуется специфика структуры значений соотносимых лексем, осуществляется сравнительное изучение содержания ядерных и периферических концептов в неродственных культурах, предпринимается «перекрестное ассоциативное анкетирование» для обнаружения национально специфического восприятия представителей других культур и этносов, исследуется природа толерантности [Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности].

Большой интерес представляют исследования, посвященные анализу эмоций, их моделированию, экспериментальной верифика-

ции [Мягкова; Фесенко С.Л.; Багдасарова; Перфильева; Красавский; Погребнова и др.].

Гендерный аспект в современных психолингвистических исследованиях настолько популярен, что становится не просто самостоятельным предметом изучения [Горошко; Холод; Фомин], но и сопровождает различного рода сравнительно-экспериментальные исследования [Нго Тиен Занг; Дмитриук Н.В.; Калжанова, Псеунова и др].

В первом параграфе четвертой главы дается **этнопсихолингвистическая характеристика региона «Горный Алтай»**; описывается этнокультурная и языковая ситуация на территории Республики Алтай.

Экспериментальное исследование этноспецифичных стереотипов алтайского и русского языкового сознания проводится с опорой на *свободный ассоциативный эксперимент*, который состоит в предъявлении слов-стимулов, *интуитивно определяемых самими носителями языка как типичные стереотипные характеристики, ценности, приоритеты*.

Ассоциативный эксперимент в настоящее время успешно используется при изучении психологического, категориального и предметного значения лексемы, а также при реконструкции ее когнитивной структуры, в межъязыковых и межкультурных исследованиях как средство выявления этноязыковой специфики. На материале ассоциативных словарей разных языков реализовано множество исследований, раскрывающих основные особенности функционирования ассоциативного значения. Распространение ассоциативных методик для комплексного изучения лексического словаря носителей тех или иных языков позволяет выявлять некоторые универсальные и специфические лингвокультурные особенности в ассоциативном поведении разноязычных информантов.

Наличие материалов ассоциативных норм – ассоциативных словарей – разных языков, полученных в ряде стран на базе типологически различающихся языков, открывает широкие возможности для межъязыковых сопоставлений, необходимых для выявления универсальных и идиоэтнических закономерностей, присущих лексическому ассоциированию носителей различных языков.

Необходимость, актуальность и репрезентативность различных ассоциативных методик для исследования языкового сознания в на-

стоящее время доказаны на материале различных языков. Теоретические основания, а также основные методики проведения эксперимента описаны в: [Залевская, 1996; Караулов, 1999; Горошко, 2001]. По мнению А.А. Залевской, ассоциативный эксперимент дает богатый материал для межкультурных и междисциплинарных исследований, позволяя выявить как «общечеловеческие» характеристики свободных ассоциаций, так и ту неповторимость, которую им придает та или иная культура [Залевская, 1996], а также концептуальная система индивида.

С целью обнаружения *закономерностей сосуществования структур этнорегионального менталитета алтайцев и русских* на территории Республики Алтай в 1999-2001 годах проводился массовый ассоциативный эксперимент, по итогам которого нами был составлен «Алтайско-русский ассоциативный словарь» [Голикова, 2004]. Выбор диалектной группы *алтай-кижи* и территории обусловлен, во-первых, статусом алтайского диалекта как *государственного языка* Республики Алтай, во-вторых, статусом г. Горно-Алтайска как *столицы республики*, в-третьих, статусом алтай-кижи как *титульного этноса*. В связи с актуальностью в настоящее время различного рода сопоставительных исследований для установления закономерностей межэтнического речевого общения, к эксперименту были привлечены также группы алтайцев-билингвов и русских, проживающих на указанной территории. Согласно этому, названный словарь состоит из трех частей: первая представляет ассоциативные реакции группы алтай-кижи на алтайском языке, вторая – алтайцев-билингвов на русском языке, третья – русского населения.

На каждое алтайское слово-стимул (предъявлялось 105 слов-стимулов различных смысловых полей) в процессе ассоциативного эксперимента было получено 920 реакций (что составило 96 600 реакций). На каждое русское слово-стимул – 1849 реакций. Из них: 972 реакции – русского населения (всего – 102 060 реакций), 877 реакций – алтайского населения (всего – 92 085 реакций). Общее число полученных реакций составило 290 745 реакций. Неравенство в численности реакций русской и алтайских групп вызвано тем, что в ряде анкет зафиксировано непонимание либо русских слов-стимулов алтайцами-билингвами, либо алтайских слов-стимулов алтайцами-монолингвами (причинами этого являются: низкий уровень языковой компетенции,

владение родным алтайским языком только на бытовом уровне и др.). Некоторые испытуемые неверно поняли задачу эксперимента и вместо представления ассоциативных реакций дали перевод слов-стимулов.

В эксперименте принимали участие носители алтайского и русского языков различных *социально-возрастных групп*. Состав и численность участников эксперимента позволяет считать полученные результаты репрезентативными.

Словарь состоит из двух частей: Прямого и Обратного словаря. Каждая часть Словаря состоит из трех столбцов: первый представляет ассоциативные реакции алтайского населения г. Горно-Алтайска и примыкающих территорий диалектной группы алтай-кижи, второй – алтайцев-билингвов соответствующей территории на русском языке, третий – русского населения, причем эти три части даются в параллельном изложении. В Обратном словаре материал представлен по трем группам соответственно: ассоциативные реакции алтайцев-монолингвов, алтайцев-билингвов и русских. Словарные статьи расположены в алфавите алтайского языка для группы *алтайцев-монолингвов* и в алфавите русского языка в группах *алтайцев-билингвов* и *русских*.

Сегодня в психолингвистической науке известно большое количество т.н. *малых ассоциативных словарей*, на материале которых делаются частные выводы по разным лингвокультурам и разным концептам. По методике, предложенной Н.В. Уфимцевой на славянском материале, мы смоделировали *ядро языкового сознания* алтайцев-монолингвов, алтайцев-билингвов и русских, проживающих на одной территории, а также провели сравнительное исследование.

В диссертации представлены таблицы: Ядро языкового сознания алтайцев и русских (по данным А-РАС); Функционально-семантические признаки центра ядра языкового сознания алтайцев и русских; Ядро языкового сознания (по данным САС); Сравнение ядер языкового сознания русских (по данным А-РАС) и русских (по данным САС); Сравнение ядер языкового сознания алтайцев-монолингвов и хакасов-монолингвов.

Попарное сравнение общего количества совпадений показало, что наиболее близки ядра языкового сознания *алтайцев-билингвов* и *русских* (79,3%), ядро *алтайцев-монолингвов* и *алтайцев-билингвов*

совпадает на 50%, а ядро *алтайцев-монолингвов* и *русских* – 46,3%. Как видим, наиболее близки (почти в два раза, по сравнению с другими группами) группы алтайцев-билингвов и русских, что закономерно в связи с использованием одного языка в речи и в эксперименте – русского. Вместе с тем, показательно и то, что другие две пары групп близки по степени близости ядра языкового сознания. Данный факт еще раз подтверждает выявленную степень близости, поскольку алтайцы-монолингвы практически одинаково удалены по содержанию своего языкового сознания и от алтайцев-билингвов, и от русских.

Сравнивая полученные результаты с данными анализа ядра языкового сознания славянских народов, проведенного на материале Славянского ассоциативного словаря, обнаруживаем, что 18 ассоциатов полностью совпадают по названным культурам – около 52%. Однако низкая степень совпадения единиц ядра языкового сознания славянских народов и алтайцев объясняется родственностью славянских языков, с одной стороны, и значительными различиями в грамматическом строе флективных и агглютинативных языков, с другой. Если сравнить совпадения в группах алтайцев-билингвов (с русским языком), русских (по А-РАС) и славян (по САС), то обнаруживается еще 3 совпадающие лексемы – *я, добро, душа*.

Сравнение ядер языкового сознания русских (по данным А-РАС) и славян (по данным САС) выявило высокую степень близости: 46,7%. Этот параметр незначительно выше, чем совпадение ядра славянских народов (САС) – 42,7%.

На наш взгляд, это свидетельствует об активности этнических ассимиляционных процессов в алтайском языке. Следовательно, *ассоциативный эксперимент может стать средством обнаружения интенсивности/активности ассимиляционных процессов*.

Сравнение ядер языкового сознания алтайцев-монолингвов и хакасов-монолингвов [Боргоякова А.П.], показывает высокую степень близости – 44%. Данный факт обусловлен прежде всего генетическим родством и типологическим сходством алтайского и хакасского языков (совпадения выявлены, несмотря на разницу в количестве полученных реакций: 620 хакасов и 920 алтайцев, а также различия в списке слов-стимулов). Таким образом, *генетическая близость этносов отражается в ассоциативном эксперименте* несмотря на различие в

списке слов-стимулов.

Итак, с целью обнаружения *закономерностей сосуществования структур этнорегионального менталитета, этнического сознания* проводился массовый ассоциативный эксперимент. Сравнительный анализ ядра языкового сознания различных этносов по итогам эксперимента показал различную степень близости, что обусловлено рядом причин, как этнокультурных, так и собственно языковых. Показателем выявленный нами *этнорегиональный фактор*, детерминирующий наибольшую степень близости среди проанализированных групп населения.

По данным Алтайско-русского ассоциативного словаря выявлена ассоциативно-смысловая структура языкового сознания алтайцев и русских, коррелирующая со структурой центра ядра языкового сознания (семья /дом/ родина; природные явления и реалии; нравственно-этические нормы; эмоции и эмоциональные состояния; ценности; образование; язык; цивилизация; время).

На основе *структурирования единиц центра ядра языкового сознания* выявлены *функционально-семантические признаки* (рефлексия, ценности и качества, чувства и эмоции, время, действия, семья, природа, единичные понятия).

Таким образом, ассоциативный эксперимент не только может стать средством обнаружения специфики ассимиляционных процессов, но обнаруживает *закономерности сосуществования концептуальных структур этнорегионального менталитета*.

Моделируя *структуру этнорегиональных концептов*, мы обращаемся к следующим *процедурам*:

- компонентный анализ соответствующего двуязычного лексикографического материала с целью выявления актуальных семантических признаков лексем;
- концептуальный анализ двуязычных оригинальных текстовых материалов с целью выявления концептуальных признаков соответствующих лексем;
- анализ двуязычного экспериментального ассоциативного материала с целью выявления актуального содержания этнорегиональных концептов, этнических образов сознания и специфики их репрезентации в разных языках;
- анализ соответствующих культурологических концептов с целью

выявления специфики их функционирования в двух культурах;
– сопоставительный анализ ряда этноспецифичных концептов.

Такая комплексная методика позволяет наиболее полно выявлять концептуальные особенности функционирования коррелирующих лексем, имеющих, однако, разную степень лакуарности – как лингвокультурологическую, так и этнопсихологическую.

В нашей работе в целях моделирования концептуальной структуры энорегионального менталитета мы используем термины *концепт*, *концептуальная структура*, *концептуальная картина мира*, *эмоциональный концепт*, сущность и специфика которых стала предметом исследования в различных психолингвистических работах (см. об этом § 1.2. диссертации).

Исследования В.А. Пищальниковой и И.В. Рогозиной показали возможность использования в качестве инструмента определения наличия и степени этнической напряженности некоторых психолингвистических методов исследования языкового сознания, в частности, свободного ассоциативного эксперимента, и психолингвистических моделей смысла [Пищальникова, Рогозина]. В связи с тем, что в основе межэтнической напряженности лежит агрессивность, присущая отдельному индивиду или обществу в целом, причем агрессивность и враждебность по отношению к другому (чужому) имеет не врожденный биологический характер, а социально приобретенный, эта агрессивность выявляется как эмоционально-оценочное негативное отношение к чужому, что фиксируется не только в более или менее осознанных гетеростереотипах, но и в подсознательных ассоциативных реакциях, связанных по важным для этноса признакам. Это могут быть представления об исконной *территории*, *родине*, *культуре*, *семье* и под.

Мы полагаем, что ассоциативный эксперимент может служить инструментом обнаружения не только этнической напряженности, но и степени близости этносов, а также средством обнаружения тенденций к ассимиляции этноса. Эта степень близости может не осознаваться носителями той или иной этнической культуры, однако очевидно выявляется в анализе содержания ряда этнически значимых концептов.

С этой целью рассмотрены *этнически значимые* для алтайского языкового сознания концепты *Алтай*, *жер (земля)*, представлены их

структура и содержание.

Структура концепта *Алтай* в алтайском и русском языковом сознании представлена компонентами: родина; территориально-административная единица; природа; оценка-эмоция; культурологические. Специфические алтайские компоненты обусловлены лексической сочетаемостью *алтай* (земля; народ; язык). Для алтайца сегодня Алтай – это его родина, его земля, его народ. Для русского же, проживающего на территории Республики Алтай, – это природа, географический, территориально-административный факт.

Концепт **јер (земля)** занимает значительное место в языковом сознании современного алтайца. Конструируя ядро языкового сознания алтайцев-монолингвов, алтайцев-билингвов и русских, проживающих на одной территории, мы выявили, что **јер (земля)** имеет 19 ранг, встречается 619 раз, вызвано 39 стимулами. В языковом сознании алтайцев-билингвов **земля** имеет 33 ранг, встречается 283 раза, вызвано 24 стимулами. В языковом сознании русских, проживающих на территории Республики Алтай, **земля** имеет 46 ранг, встречается 249 раз в 24 разных связях. Сравнивая наши данные с результатами, полученными Н.В. Уфимцевой, отмечаем, что для русских европейской части России **земля** имеет 75 ранг, имеет частотность встречаемости 44, зафиксировано в 16 стимулах. По данным САС, у белорусов **земля** вызвана 21 стимулом, встречается 76 раз; у болгар **земя** – 23 стимулами, встречается 149 раз; у украинцев **земля** – 18 стимулами, встречается 59 раз. В ядре языкового сознания англичан **земля (ground)** отсутствует. В исследовании языкового сознания хакасов, проведенном А.П. Боргояковой, обнаруживается, что **чир (земля)** имеет 40,5 ранг и 40 разных связей; хакасы-билингвы, отвечавшие на русском языке (как и в нашем исследовании – алтайцы-билингвы), актуализировали 11 разных связей, что составило 48 ранг в ядре языкового сознания; в ядре языкового сознания русских, ограниченном 50 лексемами, **земля** отсутствует.

Ассоциативный эксперимент практически не выявил частотного для алтайцев концептуального признака **јер** как **место**. С одной стороны, это объясняется редким употреблением **јер** в соответствующем значении вне контекста (в эксперименте было предъявлено **јер** без указания на какое-либо значение), с другой стороны, – формированием структуры концепта **јер** по аналогии с русским **земля**.

Основные различия в языковом сознании русских и алтайцев относительно лексем **жер** и **земля** лежат в области концептуальных признаков **родина** и **планета**. Если первый признак **родина** для алтайцев-монолингвов наполняется за счет лексем *Алтай, мой Алтай, родная* [земля], то для русских подобное содержание значительно менее актуально. Для русских и алтайцев-билингвов (обрусевших) актуален признак **планета** и **круглая** [земля] (*шар, мяч, шарик*). В литературный алтайский язык была введена лексема **планета** с целью заполнения лакуны **жер**, не имевшей соответствующего значения. Однако в современной алтайской литературе мы находим чаще **Жер** (с прописной буквы) как эквивалент **Земля [планета]**, чем **планета**.

Это различие становится источником межэтнического напряжения между алтайцами и русскими, поскольку любые притязания на землю со стороны другого народа алтайцем переживаются как посягательство на его родину, его Алтай, в то время как русский мыслит даже не в пределах России (несмотря на огромную территорию по сравнению с Горным Алтаем; отсутствуют у русских реакции – *русская земля, Россия* и под.), а в пределах всей планеты и космоса.

Кроме того, в связи с тем, что русские исторически занимались земледелием, а алтайцы – скотоводством, различие проявилось и в концептуальном признаке **обрабатываемая почва**. Для русских более частотны реакции, связанные с *пашней, огородом*, для алтайцев же – реакции *трава, сено, покос*. Неслучайно поэтому в алтайском языке не развилось русское значение **земля** как **обрабатываемая, используемая почва**.

Особенности репрезентации эмоционального состояния алтайцами и русскими стали предметом исследования следующего параграфа.

В связи с тем, что одна из определяющих характеристик менталитета и его составляющих стереотипов – эмоциональность как пристрастное отношение к миру, как выражение приоритетов, мы проанализировали структуру *базовых эмоциональных концептов* в алтайском и русском языках.

Исследования поведения людей, принадлежащих к разным культурам, обнаружили, что в сфере выражения эмоций встречаются как универсальные типы реакций, так и специфические для отдельных исследованных культур. Более того, считается, что *в выраже-*

нии биологических эмоций люди различаются меньше, чем в выражении социальных эмоций.

На материале различных исследований по многим языкам и культурам установлено, что эмоции универсальны, нет ни одного переживания, которое было бы доступно одному этносу и недоступно другому, однако *словарь эмоций в разных языках не одинаков, типологическая структура эмоциональной лексики не совпадает* в разных языках, имеет этническую специфику.

Несмотря на то, что сегодня накоплен огромный материал языковых репрезентантов различных эмоций, эмоциональных состояний, выполняется большое количество сопоставительных работ, *универсальные модели представления эмоций в разных языках не выявлены.* Данную проблематику всесторонне исследует Е.Ю. Мягкова. Процесс поиска таких моделей осложняется тем, что в разных языках сходные по значению слова могут иметь разную эмоциональную нагрузку [Мягкова, 1990; 2004]. Еще одно направление исследований эмоций – выявление специфики представлений об эмоциях у разных народов.

Как показал ассоциативный эксперимент, в ядро языкового сознания алтайцев-монолингвов входят **эмоции**: *ижемји (надежда), ижениш (надежда), сүүнчи (радость), сүүш (любовь), ырыс (счастье).* Ядро алтайцев-билингвов представлено эмоциями: *любовь, надежда, покой, радость, спокойствие, счастье, уверенность.* Для русских актуальны эмоции: *любовь, надежда, покой, радость, спокойствие, счастье, уверенность.*

В диссертации представлены таблицы: Эмоциональные реакции, упорядоченные по абсолютной частоте встречаемости (по данным А-РАС); Частотность эмоциональных концептов в языковом сознании алтайцев и русских (по данным А-РАС); Реакции, упорядоченные по количеству порождающих стимулов (по данным А-РАС); Значимость эмоциональных концептов в языковом сознании алтайцев и русских (по данным А-РАС). Составлены диаграммы, отражающие указанные параметры:

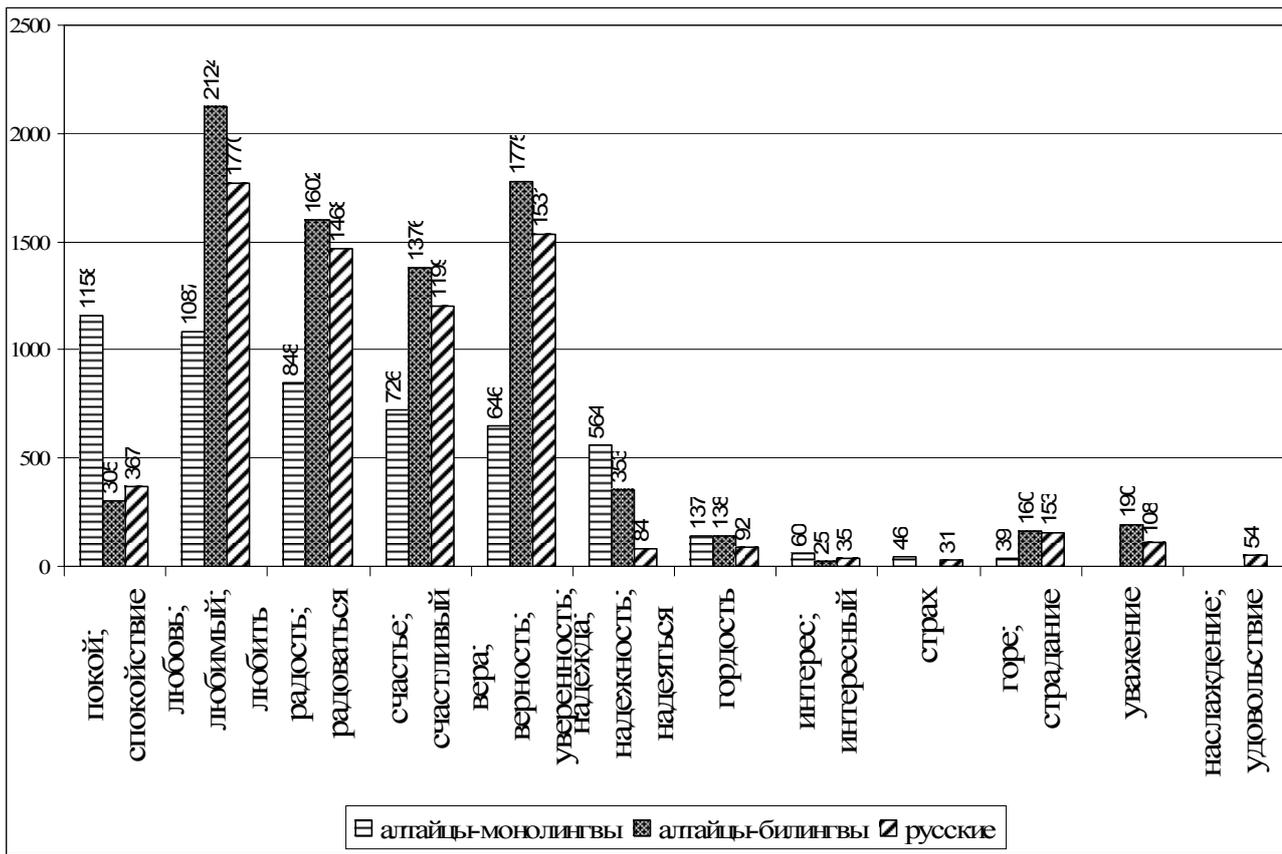

Диаграмма 1. Частотность эмоциональных концептов в языковом сознании алтайцев и русских (по данным А-РАС)

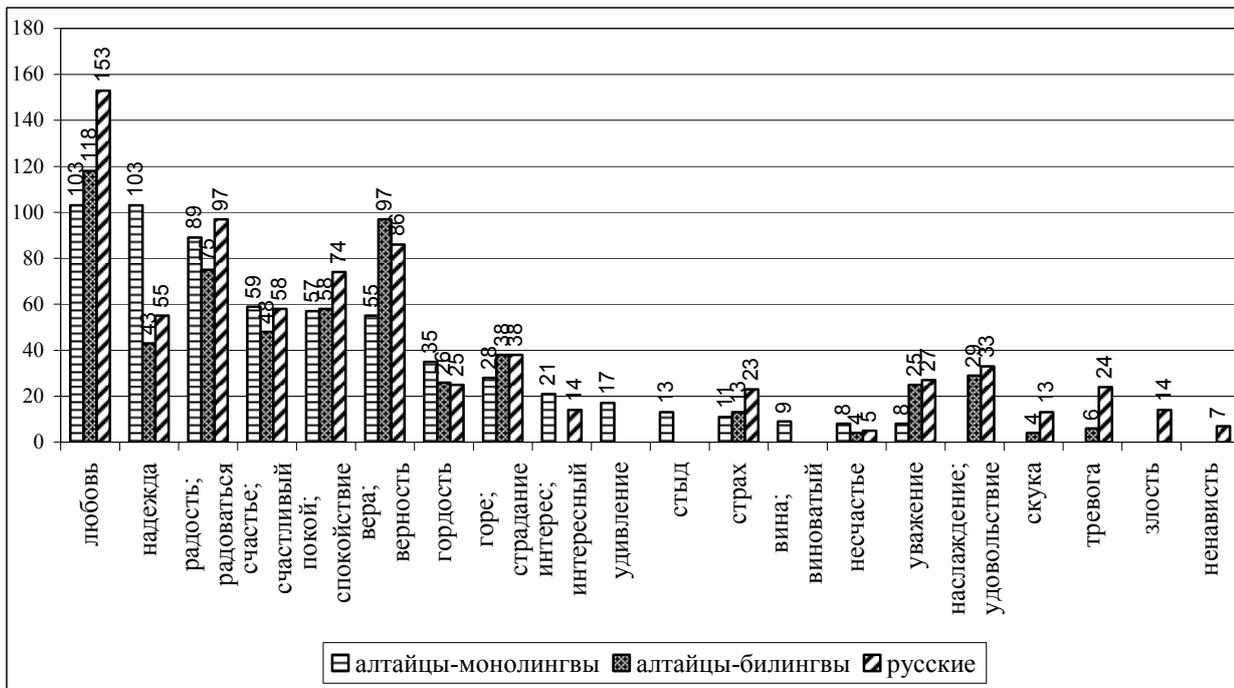

Диаграмма 2. Значимость эмоциональных концептов в языковом сознании алтайцев и русских (по данным А-РАС)

Таким образом, значимость эмоциональных концептов в языковом сознании алтайцев и русских неодинакова, что показывают и индекс встречаемости эмоциональных концептов в языковом сознании и количество вызвавших их стимулов. Для языкового сознания **алтайцев-монолингвов** актуальна следующая иерархия эмоциональных концептов: *покой; спокойствие; любовь; радость; счастье; вера; уверенность; надежда; гордость; интерес; страх; горе*. Для **алтайцев-билингвов** – *любовь; вера; уверенность; радость; счастье; надежда; покой; спокойствие; уважение; горе; гордость; интерес*. Для **русских** – *любовь; вера; уверенность; радость; счастье; покой; спокойствие; горе; уважение; гордость; надежность; наслаждение; удовольствие; интерес; страх*.

С целью выявления этнопсихолингвистических особенностей репрезентации своего эмоционального состояния алтайцами и русскими нами был проведен эксперимент. Испытуемым предлагалась задача подобрать синонимы к словам, обозначающим эмоции и эмоциональные состояния. В эксперименте участвовало 100 студентов-алтайцев, отвечавших на алтайском языке, и 100 студентов-русских, отвечавших на русском языке. Список эмоций (13) составили названия т.н. базовых эмоций и эмоциональных состояний (в различных терминах – доминантные, ключевые): *амыр-энчү, ачу-корон, буру, бүдер, јескинери, ијжениш, коркуш, сүүнүш, сүүш, уйат, чугул, шыра, ырыс* – для **алтайцев**; *вера, вина, гнев, горе, любовь, надежда, отвращение, радость, спокойствие, страдание, страх, стыд, счастье* – для **русских**.

В процессе анализа полученных данных нами были выявлены следующие концептуальные признаки, лежащие в основе актуализации эмоции:

- актуализация понятийного содержания соответствующей эмоции;
- актуализация модальности эмоции;
- актуализация интенсивности эмоции;
- актуализация стереотипных связей эмоций;
- актуализация ассоциативных связей эмоций.

Ассоциаты на стимулы-названия эмоций обнаруживают актуализацию определенных признаков: физические проявления; призна-

ние чувства; избегание; сопутствующие эмоциональные состояния; оценка; языковые; культурологические; объектные; причинные.

Эти признаки актуализируются частотно, регулярно, что позволяет представить схему реализаций эмоциональных состояний алтайцев и русских.

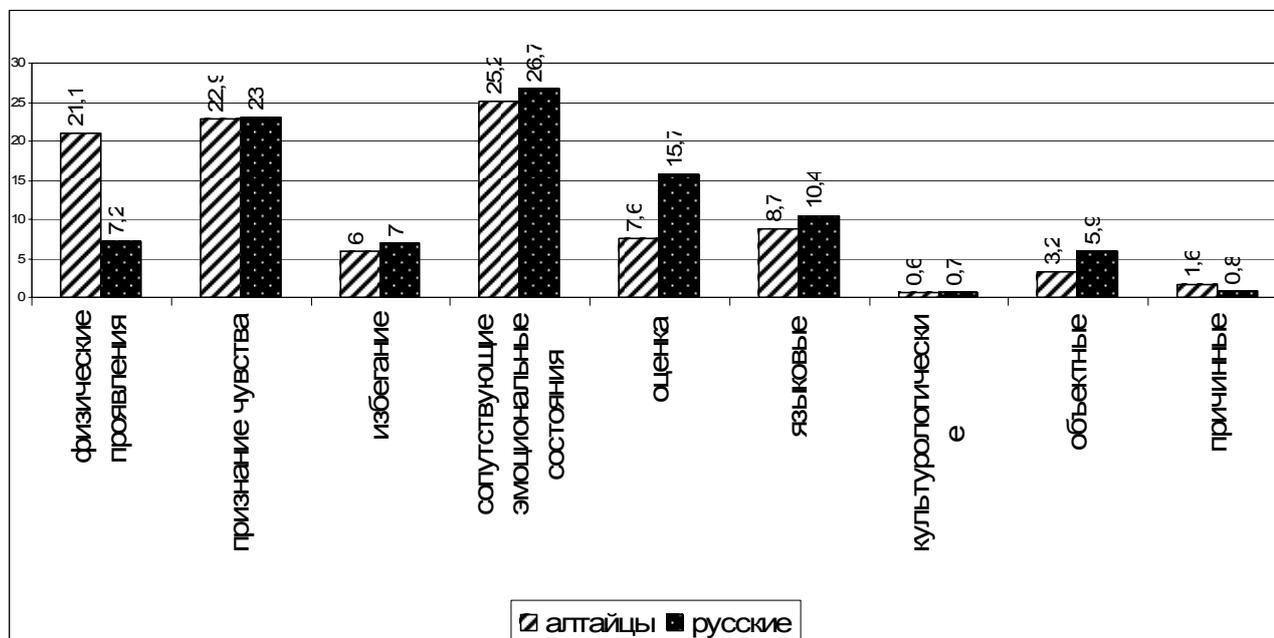

Диаграмма 3. Концептуальная карта представления эмоций алтайцев и русских, %.

Итак, концептуальное пространство тела знака изменяется при этническом взаимодействии. *Необходимость детализировать концептуальное пространство по аналогии с русским, где каждый актуальный фрагмент действительности фиксируется отдельной языковой единицей, вызывает многочисленные заимствования из русской языковой системы, а следовательно и концептуальной системы.* В одних случаях языковой знак заимствуется полностью, с ядерными концептуальными признаками и фонетической оболочкой. В других случаях заимствуется определенный набор этих признаков.

Вместе с тем, как показывает эксперимент, *концептуальное пространство эмоциональных лексем расширяется в случае, когда заимствуются концептуальные признаки иноязычных лексем без соответствующей фонетической оболочки.* Примером такого процесса может служить эмоциональный концепт *уйат (стыд)*.

Условиями исключения заимствования лексем, репрезентирующих эмоции, служат: *исконность соответствующей лексемы языка; базовый уровень эмоции, репрезентированной соответствующей лек-*

семой; неактуальность признаков интенсивности и модальности эмоции в картине мира этноса.

Ассоциативный эксперимент выявил также разные стратегии эмоционального поведения *алтайцев* и *русских*. Кроме того, ассоциативный эксперимент выявил корреляцию *отрицательной оценочности с физическими проявлениями эмоции*, а также корреляцию *нравственных принципов с эмоциональностью*. Первая корреляция доминирует у алтайцев, вторая – у русских.

В процессе анализа установлены алтайско-русские эквиваленты эмоциональной лексики; представлены синонимические ряды базовых эмоциональных концептов. Так, лексема **беспокойство** в русском языке имеет синонимы *тревога; волнение; смятение; взволнованность*. Компонентный и концептуальный анализы выявили также компоненты: *тревога; волнение; смятение; взволнованность; неуговорность; надоедливость; возбуждение; забота/заботливость; хлопоты/хлопотливость; замешательство; суета/суетливость; копошение; напряжение/напряженность; переполох; суматоха; сутолока; неудобство; назойливость; скука*.

Алтайский эмоциональный концепт **амыр јогы/түймен (беспокойство/тревога)** включает признаки: *шакпыра-; чакпын; чаптык; амыр бер-; токуна-/токына-; энчик-; алан; јүрекси-; түйме-; киле-; кичеен-; булгак; карузы-; чочы-; сана-; коркы-*.

Приведем пример анализа алтайско-русского эмоционального концепта **уйат (стыд; позор; совесть)**.

В алтайском языке все синонимы русской лексемы **стыд** (позор, срам, бесчестье, бесславие, срамота, стыдоба, смущение) репрезентируются одной лексемой **уйат**: *уйадаар(ы)* падение (моральное); *уйадаар, уйадап барар* атрофироваться; *су-кадыгы уйадаар* потерять здоровье; *уйадай берер* [букв.: стать слабым] захиреть; талант его захирел *онын таланты уйадай берди*; *уйадап калган* атрофированный; *табынча уйадап үрелер* деградировать; *табынча уйадап үрелер(и)* деградация; *уйады јок* бесцеремонный; *уйадын јылыйтар* потерять стыд; *уйадынан кыйналып јат* его гложет совесть [букв.: он мучается от стыда]; *уйала берер* застыдиться, стыдиться; *сенен уйалат* он тебя стыдится; *уйалар* стыдиться, устыдиться, конфузиться; *тын уйалар* сгореть от стыда [букв.: сильно устыдиться]; *кулак уйалар* [букв.: ухо позорится] уши вянут; *уйалар(ы), уйалчан болор(ы)* неловкость (сму-

щение), скромность (стеснительность, стыдливость); *уйалбаз(ы)* беззастенчивость, бесстыдство, двусмысленность (нескромность), нахальство; *уйалбай жүрер*, *уйат жок жүрер* не иметь ни стыда ни совести; *уйалбай барар* опозориться; *уйалбай барар*, *уйалбай жүрер* наглеть; *уйалбай* беззастенчиво; *уйалбас* беззастенчивый, бессовестный, бесстыдный, вольный (развязный, нескромный), вульгарный, двусмысленный (нескромный), наглец, нахальный, нетактичный; *уйалбас кижиси* бесстыдник; *уйалбас кижини токтодып салар* осадить нахала [букв.: бесстыдного человека]; *уйалбас көрүм* нескромный взгляд; *уйалганымды не дейин*, *коркушту уйалгам* [букв.: от стыда не знаю куда деваться; очень стыжусь] я готов сквозь землю провалиться; *уйалганынан кызарар* краснеть от стыда; *уйалтар* застыдить, пристыдить, вогнать в краску, постыдить, стыдить, устыдить; *уйалтырар* конфузить; *уйалчаг(ы)* дикость (застенчивость); *уйалчак* дикий (нелюдимый, застенчивый), конфузливый, совестливый, стыдливый; *уйалчан* застенчивый; *уйалчан(ы)* застенчивость, стыдливость; *уйалып барар* сконфузиться; *уйалып* стыдливо; *уйалыш* стыдливость, застенчивость, стеснение; *уйан* жалкий (плохой, невзрачный, слабый, немощный, хилый); *уйан кижиси* [букв.: слабый, нездоровый человек] мокрая курица; *су-кадыгы уйан* слабое здоровье; *уйан тужы* его слабое место; *уйан* 1. робкий, застенчивый, несмелый; 2. мягкий, нежный; *уйан түк* мягкая шерсть; руно; *уйан туктү кой* тонкорунная овца; *уйат жог(ы)* бесстыдство, нетактичность [неделикатность], наглость; *уйат жогынан* без зазрения совести; *уйат жок* беззастенчивый, бессовестный, бесстыдник, нахал, нескромный (бесстыдный); *уйат* стыд, срам, конфуз, позор; *ундылбас уйат* несмываемый позор; *ол уйаттан кызарып турды* он горел от стыда; *уйатка кийдирер* втоптать в грязь; *уйатка салар* [букв.: опозорить] заклеить, обесчестить; *уйатка түжүп калар* [букв.: очень опозориться] с треском провалиться; *уйатка түжүрер* [букв.: опозорить] запятнать, заклеить, обесчестить, обесславить, опозорить, втоптать в грязь, опорочить, осрамить, постыдить, срамить, скандальный; *акту жерге бурулап салар*, *эл-жон алдына уйатка түжүрер* [букв.: перед народом опозорить] забросать грязью, смешать с грязью, втоптать в грязь; *акту кижини уйатка түжүрер* [букв.: белого человека опозорить] оплевать честного человека; *уйатка түжүрер(и)* бесчестье; *уйатка түжүрип салар* сконфузить; *уйатка түжсер* [букв.: опозориться] сесть в калошу, сесть в лу-

жу, оскандалиться, осрамиться, срамиться; *уйатка тўшпес* [букв.: не опозориться] не ударить лицом в грязь; *уйатту* зазорный, непристойный; совестливый, постыдный, стыдливый; неприлично, стыдно; *уйатту көрөргө* неприличный; *уйатту керек* постыдное дело; *уйатту кылык* зазорный поступок; *уйатту кылык-жан* непристойное поведение; *уйатту неме* неприличие; *уйатту(зы)* непристойность; *уйатуун!*, *уйадымай!* какой срам!

Как видим, русский концепт **стыд**, репрезентированный многочисленными синонимами, переводится на алтайский одной лексемой **уйат (уйа-)**, при этом теряется все богатство концептуального и культурологического содержания. Вместе с тем *необходимость детализировать концептуальное пространство по аналогии с русским*, где каждый актуальный фрагмент действительности фиксируется отдельной языковой единицей, *вызывает многочисленные заимствования* из русской языковой системы, а следовательно и концептуальной системы. Однако концепта **уйат** данный факт не коснулся, причиной чего может быть *исконность соответствующей лексики в алтайском языке, базовый уровень самой эмоции стыд*, а также *неактуальность признаков интенсивности и модальности эмоции в алтайской картине мира*.

По данным Р-АС и О-РС, фиксируем следующие признаки алтайского эмоционального концепта **уйат (стыд; позор; совесть)**:

- **стыд, стыдливость** (бесстыдник *уйалбас кижги*; бесстыдный *уйалбас*; бесстыдство *уйат жог(ы)*, *уйалбаз(ы)*; застыдить *уйалтар*; застыдиться *уйала берер*; краснеть от стыда *уйалганынанг кызарар*; не иметь ни стыда ни совести *уйалбай жүрер*, *уйат жок жүрер*; он горел от стыда *ол уйаттанг кызарып турды*; постыдить *уйалтар*, *уйатка тўжүрер*, *кемзиндирер*; постыдный *уйатту*; постыдное дело *уйатту керек*; пристыдить *уйалтар*; сгореть от стыда *тын уйалар*; стыд *уйат*; потерять стыд *уйадын жылыитар*; стыдить *уйалтар*; стыдиться *уйалар*; стыдливо *уйалып*; стыдливость *уйалчан(ы)*; стыдливый *уйалчак*; стыдно *уйатту*; устыдить *уйалтар*; устыдиться *уйалар*; **уял-** стыдиться; **сенен уялат** он тебя стыдится; **уялчак** стыдливый, совестливый, застенчивый; **уялыш** (и. д. от **уял**) стыдливость, застенчивость, стеснение; **уят** стыд, срам, позор; **уят жок** бессовестный, бесстыдник; **уятга-** стыдить, срамить);
- **позор, срам** (вогнать в краску *уйалтар* [букв.: стыдить]; втоптать в

- грязь *уйатка кийдирер*, *уйатка тўжүрер*; забросать грязью, смешать с грязью, втоптать в грязь *акту јерге бурулап салар*, *эл-јон алдына уйатка тўжүрер* [букв.: перед народом опозорить]; зазорный *уйатту*; зазорный поступок *уйатту кылык*; без зазрения совести *уйат јогынан*; клеймить *кату бурулап салар*, *уйатка салар* [букв.: опозорить]; запятнать *уйатка тўжүрер* [букв.: опозорить]; не ударить лицом в грязь *уйатка тўшпес* [букв.: не опозориться]; несмыаемый позор *ундылбас уйат*; обесславить *уйатка тўжүрер* [букв.: опозорить]; оплевать честного человека *акту кижини уйатка тўжүрер* [букв.: белого человека опозорить]; опозорить *уйатка тўжүрер*; опозориться *уйатка тўжер*; опорочить (*опозорить*) *уйатка тўжүрер*; оскандальиться *уйатка тўжер* [букв.: опозориться]; осрамить (*опозорить*) *уйатка тўжүрер*; осрамиться *уйатка тўжер*; сесть в калошу *уйатка тўжер* [букв.: опозориться]; сесть в лужу *уйатка тўжер* [букв.: опозориться]; скандальный (*позорящий*) *уйатка тўжүрер*; срам *уйат*; какой срам! *уйатуун!*, *уйадымай!*; срамить (*позорить*) *уйатка тўжүрер*; срамиться *уйатка тўжер*; с треском провалиться *уйатка тўжүп калар* [букв.: очень опозориться]; уши вянут *угарга да јаман*, кулак *уйалар* [букв.: ухо позорится]; я готов сквозь землю провалиться *уйалганымды не дейин*, *коркушту уйалгам* [букв.: от стыда не знаю куда деваться; очень стыжусь]; **уялт-** (*понуд. от уял*) стыдить, срамить, ставить в неловкое положение);
- **слабость** (атрофированный *уйадап калган*; атрофироваться *уйадаар*, *уйадап барар*; его слабое место *уйан тужсы*; жалкий (*плохой, невзрачный*) *уйан*, *коомой*; захиреть *уйадай берер* [букв.: стать слабым], *јудай берер* [букв.: стать худым]; талант его захирел *онын таланты уйадай берди*; мокрая курица *јүдек кижси*, *уйан кижси* [букв.: слабый, нездоровый человек]; потерять здоровье *су-кадыгы уйадаар*; слабое здоровье *су-кадыгы уйан*; **уян** 1. слабый, немощный, хилый; 2. изъян; **уянг** 1. робкий, застенчивый, несмелый; 2. мягкий, нежный; **уянг тўк** мягкая шерсть; руно; **уянг туктү кой** тонкорунная овца);
 - **(без)застенчивость** (беззастенчиво *уйалбай*, *кемзинбей* [букв.: не раскаиваясь; **кемзин-** сознавать свою вину, раскаиваться]; беззастенчивость *уйалбаз(ы)*, *уйат јог(ы)*, *кемзинбез(и)*; беззастенчивый *уйалбас*, *уйат јок*, *кемзинбес*; дикий (*нелюдимый, застенчивый*))

- уйалчак*; дикость (*застенчивость*) *уйалчаг(ы)*; застенчивость *уйалчанг(ы)*, *кемзинер(и)*; застенчивый *уйалчанг*, *кемзинчеек*; нахал *уйалбас*, *уйат жок кижси*; нахальный *уйалбас*; нахальство *уйалбаз(ы)*; осадить нахала *уйалбас кижини токтодып салар*);
- **совесть** (бессовестный *уйалбас*; его гложет совесть *уйадынанг кыйналып жат*; **уялбас** бессовестный; **уятту** совестливый, стыдливый);
 - **бесчестие, честь** (бесчестье *уйатка тўжўрер(и)*, *элекке тўжер(и)* [букв.: стать осмеянным; **элек** насмешка]; обесчестить *уйатка салар*, *уйатка тўжўрер*, *электен салар*);
 - **развязность** (бесцеремонный *уйады жок*; вольный (*развязный, нескромный*) *кемзинбес*, *уйалбас*);
 - **грубость, наглость** (вульгарный *быјар*, *уйалбас*; опошлиться *ўрелип калар*, *уйалбай барар*; наглеть *уйалбай барар*, *уйалбай јўрер*; наглец *уйалбас*; наглость *уйат јогы*);
 - **(не)скромность** (двусмысленность (*нескромность*) *уйалбаз(ы)*; двусмысленный (*нескромный*) *уйалбас*; нескромный (*бесстыдный*) *уйалбас*, *уйат жок*; нескромный взгляд *уйалбас кўрўм*; скромность (*стеснительность, стыдливость*) *уйалар(ы)*, *уйалчанг болор(ы)*);
 - **деградация** (деградация *деградация*, *табынча уйдап ўрелер(и)*, *јайрадылар(ы)*; деградировать *деградировать эдер*, *табынча уйдап ўрелер*, *јайрадылыр*; падение (*моральное*) *уйадаар(ы)*);
 - **смущение, неловкость** (конфуз *кемзиниш*, *уйат* [букв.: раскаяние]; **кемзин-** сознавать свою вину, раскаиваться; конфузить *кемзиндирер*, *уйалтырар* [букв.: заставить осознать свою вину, позор]; конфузиться *кемзинер*, *уйалар*; конфузливый *кемзинчек*, *уйалчак*; неловкость (*смущение*) *кемзинер(и)*, *уйалар(ы)*, *эби јоксынары* (*эп ловкость, ловкий прием, удобство, сноровка*) [Р-АС, с. 346]; сконфузить *уйатка тўжўрип салар*; сконфузиться *уйалып барар*);
 - **(не)приличие, (не)тактичность** (неприличие *уйатту неме*, *кўрўргў дў эби жок неме* [букв.: неудобно смотреть на что]; неприлично *уйатту*; неприличный *кўрўргў эби жок*, *јарабас*, *уйатту*; непристойность *уйатту(зы)*, *јарабаз(ы)*; непристойный *уйатту*, *јарабас*; непристойное поведение *уйатту кылыкјан*; нетактичность *черчен јог(ы)* [неделикатность], *уйат јог(ы)*; нетактичный *черчен эмес*, *кўркеп*, *уйалбас*).

Как видим, доминантными концептуальными признаками явля-

ются **стыд, позор**. Все выделенные концептуальные признаки привнесены из русского языка, но нет оснований говорить о заимствовании и, более того, об усвоении этих признаков алтайским языковым сознанием, как показывают текстовые материалы и данные ассоциативных экспериментов (см. ниже). Исключение составляет признак **слабость** (физическая и моральная), который с культурно-исторической точки зрения может быть интерпретирован как вызывающий стыд в условиях межэтнических конфликтов и необходимостью выживания малых этносов.

В современной алтайской поэзии и прозе фиксируются концептуальные признаки, коррелирующие с выделенными нами концептуальными признаками: *Алаканыгла кўнди, калак, бۆктөп болбозын. Айса, уйалбас жүзинди арга јокто бۆктөөринг* (Если солнце можно закрыть своей ладонью. То, увы, бессовестное лицо бедностью не прикроешь) [Укачин]; *Алтай кижининг уйадын тоологоны* (Что считается позором для алтайца [что позорит алтайца]) [Укачин]; *Ас калыкты уйаттаар јан Сеге кайдан, кемнен берилген?..* (Зачем позволяешь срамить обычаи своего малого народа?) [Укачин]; *Јамандап качан да айтпаган: Уйатка түжүрип, Ак-Бором, Уйга сени түндөбеем, «Чочко» деп сени, Ак-Бором, Чололоп, калак, билбегем* (Даже когда плохо было, не говорил, покрывая позором, мой Ак-Боро [конь], ты похож на корову, не говорил тебе «свинья», увы, мой Ак-Боро, таких прозвищ не знаю) [Укачин]; *Куру јанары, чын, уйат. Куруга туура сен ат. Калык сеге каткырбас, Кудай сени ундыбас* (Пустая жизнь, правда, стыд. На пустой горе ты конь. Народ над тобой не смеется, бог тебя не забудет) [Шинжин]; *Указтын кийинде кезик уулдар Уйадаган, кортык жүргүлейт* (некоторые парни прячут указ [повестку], к стыду, боятся идти [служить в армии]) [Эремзеев]; *Је тен [Четпек] кызарып билбес ине... Уйат теп неме јок боло бергенде, ол кижиде адын жылыйтканы болбой...* ([Четпек] даже не умеет краснеть... Если у него стыда нет, так у него, наверное, не осталось человеческих достоинств) [Төлөсөв]; *Бу мындый согуш-чугаан да болбос эди, је канча улустын көзине Эдис ле Кутусты уйатка түжүргенине озор ичибууры анданыжа бергенде, канайып чым отуратан* (Такой драки не было бы, но когда у Эдиса и Кутуса все внутри закипело из-за того, что [Чоочойок] опозорил их перед столькими людьми, как они могли усидеть спокойно) [Төлөсөв]; *Кезик улустын көзінде уйат јок, көскө*

лө тögүндөп жадар (У некоторых людей нет стыда в глазах, на глазах обманывают) [Из устной речи].

Анализ стихотворения Б. Укачина *Алтай кижинин уйадын тоологоны* (Что считается позором для алтайца [что позорит алтайца]) [Укачин] выявил общечеловеческие пороки, вызывающие чувство стыда: *пьянство, непочитание традиций, стариков, незнание родного языка, гордыня, негостеприимство, похвальба*.

Алтайская фразеология фиксирует аналогичные русской фразеологии выражения, описывающие состояние смущения, стыда: *јүзи күйүп јат* (букв.: лицо=его горит) ‘смущается’, *көстөрин кайдар эдер билбес* (букв.: глаза=его куда девать не знать) ‘испытывать чувство стыда’ [Чумакаев].

Экспериментальные данные показывают, что для алтайцев эмоция **стыда** связана прежде всего с *физическими проявлениями*, для русских же более актуален признак *снятия этого чувства, освобождения от него* путем извинения, предложения помощи и под.

Ассоциативный эксперимент [А-РАС] выявил следующую структуру эмоционального концепта **уйат**.

Таблица 1. Структура эмоционального концепта УЙАТ

	алтайцы-монолингвы; 909-138-11-89	к/р
оценка	јаман (плохо; плохой) 67; эп-јок (неудобно; неудобный) 49; јаман керек (плохой поступок) 47; он (правый; удача; удачливый) 21; јаан (большой) 9; јүдек (не красиво) 7; сан башка (странная) 4; сары (желтая) 3; тўжер (спускаться; слезать; опадать) 2; јаман неме эдер (делать плохое); јарабас (негодный; недостойный; неприличный); јүс јок (бессовестный; бесстыдный; <i>букв.:</i> нет лица); ичине кирбей јат (не нравится); кандый (какой); коомой (плохой); коомой керек (плохой поступок); кир (грязь); јас (болото) 1	218
физические проявления	кызарар (краснеть) 51; кызыл јүс (красное лицо) 43; каткы (громкий смех; хохот) 31; јүс (лицо); кызыл (красный) 15; оорып јат (болит); от күйет (огонь горит) 13; кызарыш (покраснение) 5; оору (больное) 4; су-кадык (здоровье) 3; јүзи кызарды (лицо покраснело); кызарганы (покраснение); кызыл јаак (красные щеки); кызырары (покраснение); көстөрин койдон (глаза овцы); мандай (лоб); рак (рак); чырай (лицо); шандан (голый); ый (плач); ый-сыгыт (плач) 1	189

отрицательные черты характера	төгүн (обман) 34; уурданыш (воровство) 19; табыш (шум) 12; ачынмыш (ругань) 10; жазык (преступление; ошибка); жаман керек эдери (совершить преступление) 9; жаман кылык (плохой характер; поступок) 7; ууры (воровство) 2; актанар (оправдываться); жамандадары (быть отруганным кем-л.); жасак бускан (нарушить закон); жастыра (ошибка; неправильный; неправильно); жастырган (ошибся); меке (ложь); төгүнчи (обманщик); төгүнчи кижжи (обманщик); уурданар (воровать); үренбес (не учиться); эзирек (пьяный) 1	113
отрицание	жок (нет) 63; билбес (не знает) 23; болбозын (пусть не будет) 18; жок кижжи (нет человека) 7; керек жок (не надо); эмес (не) 1	113
жизнь; человек	кижи (человек) 28; уурчы (вор) 25; најы (друзья) 21; кылык (характер) 14; сен (ты) 3; кижиге (человеку); сенин адан (твой отец); улуска (людям) 1	94
эмоция	уйлар (стыдиться) 32; сезет (чувствует) 3; сезим (чувство) 3; жазу (скорбь; мучение; печаль; тоска); жаман күүн-санаа (плохое настроение); кижиден уйалганы (стесняться человека); кижинин состоюниези (состояние человека); сакылта (ожидание); санаркаш (грусть; печаль; тоска; уныние; озабоченность чем-л.); санаркаш жок (без страдания); сурайт (просит); сүүген кижжи (любимый человек); сүүнүш (радость); сүүш (любовь); түбек (беда; несчастье); уйалбас (бессовестный); уйалган тужы (момент стыда); уйалдым (я постыдился); уйатка салбас (не позорить); уйатка түштим (я опозорился) 1	55
нравственные принципы	оморкок (гордый) 35; сүне (душа) 3; төгүндебес кижжи (не обманывающий человек) 2; жакшы кылык (хороший поступок; характер); жарамыгы (достоинство); ич-көгүс (внутренний); керек (надо; поступок); киреези (его предел; норма); күч (сила; сильный); мактанчык эмес (скромный; не хвастливый); нөкөрлөжип жүрер (жить дружно); нөкөрлөрүм (мои друзья); оморкоор (гордиться); ончо берер (все отдать); соңоо (долг); улус төгүндебес керек (не надо обманывать людей); чыдамкай (стойкий; выносливый) 1	54
языковые	сөстөр (слова) 20; ондооры (понимание) 4; сөс (слово) 3; болор (будет; хватит; достаточно); куучын (рассказ; разговор); кокыр (шутка); хи-хи (хи-хи) 1	31
культурологические стереотипы	суугуш (утка) 3; сый (подарок) 2; төрөл жер (родная земля; родина) 2; түн (ночь) 2; билет (билет); жырткы жер (дырявое место); иш (работа); кай (горловое пение); кече (вчера); неме (вещь; предмет); отураар (сидеть); өскө албатынын алдында (перед другим народом); политика (политика); салым (судьба); сөөк (род); суд (суд); түнде (ночью) 1	22

разум	не-немени билбезинг (что-то не знаешь); ой (ум; смысл; понятие); ондобой јадым (не понимаю); ондомол (понятие); сагыш (ум) 1	5

Таким образом, лексикографический материал демонстрирует асимметричность, большую синонимическую насыщенность русского концепта **стыд** (о всех семных и когнитивных признаках русского концепта *стыд* см. работы [Арутюнова; Булыгина, Шмелев; Зализняк Анна; Урысон; Шмелев и др.]). Ассоциативный эксперимент подтверждает такую асимметричность; если в русском эксперименте выявляется *синонимический ряд* лексемы **стыд**, то в алтайском эксперименте выявляется *ряд концептов различной модальности*, связанных не синонимическими отношениями, а ассоциативными.

В заключении диссертационного исследования даны основные теоретические и экспериментальные выводы, намечены перспективы исследования.

В приложении представлены личностные характеристики *алтайцев* и *русских*; авто- и гетеростереотипы *алтайцев* и *русских*; сравнительные диаграммы: содержание этноспецифичных стереотипов *алтайского* и *русского языкового сознания* (по данным Алтайско-русского ассоциативного словаря), репрезентации эмоциональных состояний *алтайцев* и *русских*, схемы репрезентаций эмоциональных состояний, а также содержание и структура алтайских эмоциональных концептов.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях**:

1. Голикова Т.А. Алтайско-русский ассоциативный словарь (Алтай-орус ассоциативный сӧзлик). М.: Изд-во ОЛСИБ, 2004. 380 с.
2. Голикова Т.А. Этнопсихолингвистическое исследование языкового сознания (На материале алтайско-русского ассоциативного эксперимента). Монография. М., 2005. 322 с.
3. Голикова Т.А. Этнопсихолингвистическая концепция исследования языкового сознания // Аспекты исследования картины мира: Монография. Коллектив авторов. М.-Барнаул, 2003. С. 131-182.
4. Голикова Т.А. К проблеме изучения национальной культуры в школе: понятие менталитета // Социально-экономические проблемы образования в Западно-Сибирском регионе России. Материалы международной конференции по программе ЮНЕСКО «Образование в поликультурном обществе». Т.2. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1995. С. 96-98.

5. Голикова Т.А. Понятие концептуальной картины мира и его использование при изучении творчества писателя: лингвистический аспект // Проблемы формирования культуры и нравственности в современных поликультурных условиях. Всероссийская науч.-практ. конференция 21-23 сентября 1995. Барнаул: Изд-во АКППРО. 1995. С. 105-107.
6. Голикова Т.А. К вопросу об определении понятия «концептуальная картина мира»: психологический аспект // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании. Тверь: ТМГА, 1996. С. 31-33.
7. Голикова Т.А. Репрезентация концептуальной картины мира в художественном тексте (на материале алтайской литературы) // Горный Алтай и Россия – 240 лет. Языки народов Горного Алтая и сопредельных территорий. Литература и фольклор. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» Г-АГУ, 1996. С. 35-38.
8. Голикова Т.А. Аспекты исследования проблемы понимания // Текст: варианты интерпретации: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Бийск: БГПИ, 1999. С. 3-6.
9. Голикова Т.А. Проблема содержательной стороны и репрезентации концептуальной картины мира // Культура в текст: Материалы Международной научной конференции 10-11 сентября 1996 г. Вып. II. Лингвистика. Ч.1. Барнаул: БГПУ. 1997. С. 31-39.
10. Герман И.А., Голикова Т.А. Когнитивный аспект исследования сущности процесса понимания // Языковое сознание и образ мира. Тезисы XII Симпозиума по психолингвистике. М., 1997. С. 42-43.
11. Голикова Т.А. Экспериментальное исследование процесса понимания художественного текста как репрезентации ККМ // Языковое сознание и образ мира. Тезисы XII Симпозиума по психолингвистике. М., 1997. С. 59.
12. Голикова Т.А. Тенденции изучения менталитета как национально обусловленного компонента культуры // Наука и образование: пути интеграции. Тезисы докладов научно-практической конференции 20 ноября 1998 г. Анжеро-Судженск, Часть 3. 1998. С. 13-14.
13. Голикова Т.А. Региональный язык как система репрезентантов национально-культурной специфики смыслообразования // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. Бийск, 1998. Т.1. С. 123-127.
14. Голикова Т.А. К вопросу о сущности регионального языка // Актуальные проблемы филологии: Тезисы докладов к краевой научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.А.

- Воробьевой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 13-14.
15. Голикова Т.А. Особенности формирования региональной личности преподавателя // Качество образования. Проблемы. Оценки. Управление. Опыт. Новосибирск, 1999. С. 229.
 16. Голикова Т.А. Слово как интегративный компонент концептуальной системы (психолингвистическое исследование) // Русский язык: прошлое, настоящее, будущее: Материалы второй Всероссийской научной конференции. Ч.2. Сыктывкар, 1999. С. 11-18.
 17. Голикова Т.А. Некоторые перспективы исследования категории «языковая личность» // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 1999. С. 17-22.
 18. Голикова Т.А. К вопросу о национально-культурной специфике речевой деятельности этноса // Языковая концепция регионального существования человека и этноса, Барнаул, 1999. С. 101-103.
 19. Голикова Т.А. Тенденции в исследовании сущности национального и этнического // История освоения юга Сибири: экономика, политика, культура. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Бийск, БГПИ. 1999. С. 88-91.
 20. Голикова Т.А. Экспериментальное исследование эмоционального компонента концептуальной системы индивида // Россия и Китая: интеграция в сфере экономики, науки и образования. Биробиджан, 1998. С. 44-47.
 21. Голикова Т.А. Когнитивные исследования сущности менталитета и его реконструкции // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Белгород, 1999. Вып. IV. С. 156-158.
 22. Голикова Т.А. К обоснованию понятия «этническая ментальность» и способах ее репрезентации в художественном тексте // Этнонациональная ментальность в художественной литературе: Материалы Всероссийской научной конференции. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. С. 21-25.
 23. Голикова Т.А. Духовная культура алтайского этноса (русско-алтайские фразеологизмы со значением «душа») // Сибирь: вехи истории. Иркутск: Оттиск, 1999. С. 67-69.
 24. Голикова Т.А. Место категории «языковая личность» в психологических и лингвистических исследованиях // Единицы языка в их структурно-семантическом и функциональном освещении. Межвузовский сборник научных трудов. Тула, 1999. С. 364-370. Рукопись деп. в ИНИОН РАН 30 ноября 1999 г., № 55160.

25. Голикова Т.А. Сопоставление русских и алтайских фразеологизмов (экспериментальное исследование) // Функционирование русского языка в условиях активного билингвизма и полилингвизма. Уфа, 1999. С. 64-66.
26. Голикова Т.А. Этнопсихоллингвистика: к вопросу о предмете исследования // Языковое бытие человека и этноса: психоллингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 1999. С. 44-47.
27. Голикова Т.А. Детерминированность речевой деятельности средой // Русский язык: прошлое, настоящее, будущее. Сыктывкар, 2000. С. 34-44.
28. Голикова Т.А. Семиотический аспект исследования сущности концептуальной системы (к вопросу о соотношении символа и стереотипа) // Язык и социум. Материалы III международной научной конференции. 4-5 декабря 1998 г. Минск, 2000. С. 84-86.
29. Голикова Т.А. Сущность регионального языка (этнопсихоллингвистический аспект) // Наука, культура, образование. Горно-Алтайск, 2000. № 4/5. С. 117-120.
30. Голикова Т.А. Сущность, структура и функционирование концептасимвола в художественном тексте // Варианты интерпретации: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Вып. 5. Бийск: НИЦ БиГПИ, 2000. С. 7-10.
31. Голикова Т.А. Перспективы сопоставительного изучения ассоциативно-смысловой структуры менталитета русских и алтайцев // Единицы языка, их структура и функция. Межвузовский сборник научных трудов. Тул. Гос. Пед. Ун-т. Тула, 2000. С. 55-63. Рукопись деп. В ИНИОН РАН 31. 07.2000 г., № 55841.
32. Голикова Т.А. Менталитет как система стереотипов речевого коллектива // Язык. Человек. Картина мира. Омск, 2000. Ч.1. С.18-21.
33. Голикова Т.А. Ассоциативно-смысловая динамика менталитета (на материале эксперимента студентов-филологов алтайского и русского отделения) // Труды Рубцовского индустриального института. Вып. 7. Гуманитарные, естественные науки. Рубцовск, 2000. С. 100-104.
34. Голикова Т.А. Особенности актуализации региональной личности посредством ассоциативных текстовых структур // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 188-193.
35. Голикова Т.А. Перспективы исследования ассоциативной структуры регионального менталитета // Концептуальная картина мира и интерпретативное поле текста с позиций лингвистики, журналистики и

- коммуникативистики: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2000. С. 215-223.
36. Голикова Т.А. Стереотип как этнически и культурологически обусловленный компонент менталитета // Мир языка и межкультурная коммуникация: Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Часть 1. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. С. 80-87.
 37. Голикова Т.А. Концепция исследования структуры регионального менталитета: этнопсихолингвистический аспект // Варианты интерпретации художественного текста. Вып. 6. Бийск: НИЦ БИГПИ, 2001. С. 83-85.
 38. Голикова Т.А. Характеристика региона «Горный Алтай»: этнопсихолингвистический аспект // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 2001. С. 27-32.
 39. Голикова Т.А. О задачах регионального ассоциативного словаря // Язык и культура Алтая. Барнаул, 2001. С. 53-61.
 40. Голикова Т.А. К вопросу о соотношении терминов «менталитет» и «национальное самосознание» // Известия ОмГУ. Омск, 2001. № 3. С. 21-29.
 41. Голикова Т.А. Выявление культурологических доминант студентов-филологов и их роль в обучении русскому языку // Наука, культура, образование. Горно-Алтайск, 2001. № 8/9. С. 168-170.
 42. Голикова Т.А. Основные направления в исследовании этничности // Актуальные проблемы изучения языка и литературы на рубеже веков: Материалы всероссийской конференции, 25-27 сентября 2001 г. Вып. 2. Абакан, 2001. С. 55-57.
 43. Голикова Т.А. Тенденции в исследовании этничности как этнопсихолингвистической категории // Интерпретация коммуникационного процесса: межпредметный подход. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2001. С. 24-29.
 44. Голикова Т.А. Фиксация этничности в ассоциативном эксперименте (к вопросу о взаимодействии русских и алтайцев) // Интерпретация коммуникационного процесса: межпредметный подход. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2001. С. 70-74.

45. Голикова Т.А. К вопросу о соотношении менталитета и национального самосознания // Проблемы преподавания иностранных языков: материалы работы региональной конференции. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2001. С. 14-16.
46. Голикова Т.А. Сравнительно-экспериментальное исследование стереотипов регионального менталитета (на материале алтайско-русских фразеологизмов) // Лингвистическое образование и межкультурная коммуникация: проблемы, концепции, пути решения: Тезисы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Красноярск: СибГТУ, 2001. С. 51-53.
47. Голикова Т.А. Культурная картина мира: формирование и функционирование // Великие преобразователи естествознания: Анри Пуанкаре: XVII Международные чтения. 28-29 ноября 2001 г. Минск: БГУ, 2001. С. 111-113.
48. Голикова Т.А., Мултина И.А. Специфика русско-алтайской языковой картины времени (экспериментальное исследование) // Язык и культура Алтая. Барнаул, 2001. С. 41-46.
49. Голикова Т.А. Этнопсихолингвистика в системе современных лингвистических направлений // Филология в системе современного университетского образования: Материалы межвузовской научной конференции. М., 2001. С. 134-136.
50. Голикова Т.А. О соотношении терминов «культурный стереотип» и «этнический стереотип» в контексте культурологических, этнологических и этнопсихолингвистических исследований // Развитие средств массовой коммуникации и проблемы культуры: Материалы II Международной научной конференции. М., 2001. С. 241-255.
51. Голикова Т.А. Аспекты исследования межкультурных взаимодействий этноса как лингво-ментальной общности // Реальность этноса: Этнология в педагогическом образовании: проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-методической конференции (17-20 мая 1999 г.). – СПб.: Изд-во РГПУ им А.И. Герцена, 2001. С. 114-122.
52. Голикова Т.А., Дублевская О.А. Стратегии вербальной репрезентации эмоционального состояния // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 2001. С. 32-36.
53. Голикова Т.А. Общность ассоциативных связей этносов в едином регионе как основа эффективного межэтнического общения // Реальность этноса. Национально-региональный компонент в образовании:

- содержание, структура, функции: Материалы второй международной научно-практической конференции (25-28 апреля 2000 г.). СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. С. 149-153.
54. Голикова Т.А. Этнопсихолингвистическая детерминированность языкового сознания // *Paradigma/Парадигма*. Ежеквартальный журнал теоретического и прикладного языкознания, культурологии, страноведения, межкультурной коммуникации, художественный и публицистический. Вып. 5(6). 2001. Красноярск, С. 21-30.
55. Голикова Т.А. Этнопсихолингвистическая характеристика региона (на примере Республики «Горный Алтай») // *Межэтническая коммуникация в современном социокультурном пространстве: Материалы международного научно-практического семинара третьей международной научно-практической конференции по региональной культуре (14-17 мая 2001 г.)*. Нижний Новгород, 2001. С. 50-53.
56. Голикова Т.А. Социокультурный стереотип «семья» как доминанта взаимодействия регионального менталитета русских и алтайцев // *Современные проблемы социальной психологии: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*. Пенза, 2001. С. 57-59.
57. Голикова Т.А. К обоснованию моделирования этнического «я» русских и алтайцев, проживающих на территории Горного Алтая) // *Эстетические и лингвистические аспекты анализа текста и речи: Сборник статей всероссийской (с международным участием) научной конференции*. 20-22 февраля 2002. т. 3. Соликамск, 2002. 10 с.
58. Голикова Т.А. Лингвопсихосемиотика региона // *Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание национальных языков. Материалы международной конференции XXII-е Дульзоновские чтения*. Томск, 2002. Ч. 3. С. 53-57.
59. Голикова Т.А. Культура: научные интерпретации и обыденные представления // *Формирование деловой и профессиональной культуры руководителей, специалистов, преподавателей, студентов, школьников: Сборник статей участников Всероссийской научно-методической конференции (17-18 апреля 2002 г.)*. Мичуринск: Изд-во МичГАУ, 2002. С. 26-30.
60. Голикова Т.А. Национальное и этническое: к соотношению терминов // *Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. Материалы IV Международной науч.-практ. Конференции «Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации» (Санкт-Петербург, 17-20 апреля 2002 г.)*. СПб.: Асте-

рион, 2002. С. 80-83.

61. Голикова Т.А. Специфика освоения и межэтнического взаимодействия когнитивных структур «бескорыстность» (по данным ассоциаций русских и алтайцев) // Литература и общественное сознание: Варианты интерпретации художественного текста: Материалы VII межвузовской научно-практической конференции (20-21 мая 2002 г.). Выпуск 7. Часть II: Лингвистический аспект. Бийск: НИЦ БПГУ им В.М. Шукшина, 2002. С. 31-34.
62. Голикова Т.А. Когнитивная структура стереотипа «бескорыстность» (по данным ассоциаций русских и алтайцев) // Язык. Система. Личность. Национально-культурные стереотипы сознания и их отражение в языке: Материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 25-26 апреля 2002. Екатеринбург, 2002. С. 20-22.
63. Голикова Т.А. Сущность регионального менталитета: проблема выявления специфики и перспективы изучения // Актуальные проблемы региональных исследований: Сборник научных и научно-методических трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии Алтайского государственного технического университета. Выпуск II. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2002. С. 202-207.
64. Голикова Т.А. Моделирование этнокогнитивной структуры стереотипа «я» русских и алтайцев // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 5. М., 2002. С. 28-34.
65. Голикова Т.А. Когнитивная структура стереотипа «школа» (по данным этнопсихолингвистического эксперимента, проведенного в Республике Алтай) // Предложение и слово: парадигматический, коммуникативный, методический аспекты: Материалы Второй Международной научной конференции (25-27 сентября). Саратов, 2002. С.325-329.
66. Голикова Т.А. Основания этнопсихолингвистической концепции исследования языкового сознания // Язык. Время. Личность. Материалы Международной научной конференции. Омск: Омск. гос. ун-т, 2002. С. 117-122.
67. Голикова Т.А. К обоснованию этнопсихолингвистического подхода в моделировании процесса межкультурной коммуникации // Языки и литературы народов Горного Алтая // Международный ежегодник – 2002. Горно-Алтайск, 2002. С. 20-24.

68. Голикова Т.А., Драчева С.И. культурологические доминанты русских и алтайских студентов // Языки и литературы народов Горного Алтая // Международный ежегодник – 2002. Горно-Алтайск, 2002. С. 95-97.
69. Голикова Т.А. Принципы и содержание межкультурной коммуникации // Ползуновский альманах. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2002. № 3-4. С. 40-46.
70. Голикова Т.А. Моделирование этнокогнитивной структуры концепта «вера» русских и алтайцев // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 29-31 мая 2003 г. М., 2003. С. 59-60.
71. Голикова Т.А. Моделирование этнокогнитивной структуры концепта «вера» русских и алтайцев // Язык и культура Алтая: Материалы и исследования 2003. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 101-110.
72. Голикова Т.А. Психолингвистический эксперимент как инструмент выявления межэтнической напряженности // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 7. М.: МГЭИ, 2004. С. 49-58.
73. Голикова Т.А. Этнопсихолингвистические факторы формирования когнитивных структур сознания (по материалам алтайско-русского ассоциативного словаря) // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения. Первые чтения памяти О.Н. Селиверстовой. М.: МГПУ, 2004. С. 62-69.
74. Голикова Т.А. Конфликт этнокогнитивных структур сознания (по материалам алтайско-русского ассоциативного словаря) // Вестник МГЛУ. Выпуск № 483. Языковое сознание и межкультурная коммуникация. Серия «Лингвистика». М.: МГЛУ, 2004. С. 115-122.
75. Голикова Т.А. Когнитивная структура алтайского концепта *уйат* // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 9. М.: МГЭИ, 2005. С. 42-53.
76. Голикова Т.А. Когнитивная структура эмоции *ачу-корон (горе)* в алтайском и русском языковом сознании // Вестник МГЛУ. Выпуск № 511. Языковое сознание и культура. Серия «Лингвистика». М.: МГЛУ, 2005. С. 38-51.